

Владимир
ЯЦЫШИН

Повесть
об Анне

16+

Владимир Яцышин
Повесть об Анне

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Яцышин В. О.

Повесть об Анне / В. О. Яцышин — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-0492-1

Действия первой истории повести разворачиваются в психиатрической больнице. Внимание читателя приковано к Анне, девушке со странностями, которая настораживает врачей и санитаров своим умением манипулировать не только сознанием других пациентов, но и вещами, казалось бы, неподвластными. Вторая история представляет собой дневник, прочитывая страницы которого, становишься свидетелем событий, приведших девушку в сумасшедший дом. Третья история завершает повесть, она состоит из трех глав, повествующих о трагических судьбах людей, на жизнь которых повлияла загадочная Анна.

ISBN 978-5-5321-0492-1

© Яцышин В. О., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Книга первая. Повесть об Анне	5
Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Книга первая. Повесть об Анне

Глава 1

Медсестра посмотрела на умиротворенное лицо Анны. Строгие губы теперь казались расслабленными, большие ее веки на маленьком чувственном личике были закрыты. Никакой тревоги, никакой суетливости. Анна спала и даже солнце не смело касаться занавесок ее окон.

Света наклонилась над тумбочкой: вокруг порядок, но прибраться немного нужно. Она провела рукой по поверхности, и во вторую ладонь скатилось несколько комочков фольги из-под конфет. На стену опирался очередной, заверченный Анной, холст, на котором были изображены несколько мужчин в строгих костюмах, они сидели на стульях с высокими спинками и что-то обсуждали. Над ними летал маленький ангелочек, милое дитя с крылышками, то ли купидон без лука и стрел, то ли просто какой-то символ. «Хорошо, черт возьми, рисует!» – подумала Света, наклонив слегка голову, дабы рассмотреть картину.

Она обернулась и увидела Анну, которая уже сидела на кровати, смотрела на нее и улыбалась. Света вздрогнула, затем молниеносно улыбнулась в ответ и продолжила убираться на тумбочке.

– Как у нас сегодня с настроением? – произнесла тихонько медсестра, стоя спиной к Анне, тем самым показывая абсолютное своё доверие.

Спокойно поправляя воротничок халата, Света переставляла бутылки с водой, протирала под ними столик, не слыша за спиной ни малейшего шороха: ощущалось, что положение Анны не меняется, что она по-прежнему сидит на кровати и смотрит ей в спину. Но, несмотря на это, медсестра внезапно на ухо услышала спокойный, нежный, тихий голос, от которого веяло весной и ужасом:

– Хорошо, все с настроением хорошо. А ваше как, Светочка?

Медсестра слишком за последние два года привыкла вздрагивать и отпрыгивать в сторону. До чего же бесшумная была Анечка в своих движениях! Голос пациентки не вызвал должного страха у Светланы, Анна спокойно, даже немного разочарованно, развернулась и пошла назад, к кровати. Медсестра, быстро оправившись от испуга, повернулась. Анна села на край кровати и вздохнув, посмотрела на Свету. Светлый, немного детский взгляд наивно устремлялся на медсестру, которая задумалась о том, до чего чистым, прозрачным и воздушным было сейчас отражение ее утонченного «я».

– Тебе понравилось? – улыбнулась Анна, качнув головой в сторону картины.

– Разве может не нравиться то, что ты рисуешь? – пожала плечами медсестра.

– Прости, если напугала... – застенчиво, опустив взгляд, пробормотала Анна, стыдливо пряча свои ангельские глаза.

– Ничего... Привыкла, – улыбнулась Света. – Ты же у нас такая бесшумная.

На тумбочке лежала небольшая салфетка с фиолетовым, цветочным узором, на ней виднелись три таблетки разных размеров. Рядом стоял стакан с водой.

– Выпить? – печально произнесла Анна.

– Да, – кивнула Света.

Анна выпила по очереди каждую пилюлю, поставила опустошенный стакан и вздохнула, глядя на пустую салфетку.

– Они мне помогают...

– Это вопрос?

– Нет-нет, – улыбнулась Анна, – это утверждение. Они мне помогают.

– Правда? Ты так считаешь?

– Да. Видите, у меня отличное настроение.

– Я рада, – улыбнулась Света. – Мы стараемся.

Света принялась сменять пациентке постель. Она достала из-под одеяла расческу и пристально взглянула на Анну.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Анна прервала тишину:

– Что-то не так, Светочка?

– Все так.

Снова несколько секунд тишины. Медсестра отложила в сторону расческу.

– Анют, тебя Станислав Сергеевич видеть хочет.

– Зачем?

– Не знаю, – улыбнулась Света, пожимая плечами. – Поговорить, побеседовать. Он просил, чтобы я передала, что он ждет, как только ты проснешься...

– Хорошо.

– Когда ты к нему зайдешь?

– Сейчас нужно? – серьезно спросила Анна, внимательно смотря на медсестру и, казалось, вытаскивая из нее ответ.

– Ань, – нахмурилась медсестра.

– Что?

– Зачем так смотришь?

– Как?

Медсестра, проигнорировав это, отвернулась к окну и открыла шторы. Палата залилась оранжевым, желтым светом, блики теплого весеннего солнца плавно заиграли на стенах палаты. Сквозь толстые железные прутья двойной решетки каждый луч казался тонким и расчеченным надвое. Медсестра прищурилась и улыбнулась:

– День какой чудесный, правда?

– Правда, – хихикнула Анна.

Зрачки обеих девушек от света стали крошечные, а глаза Анны из-под ее русых волос и вовсе напомнили глаза домашней кошки.

– Прибери волосы со лба, – произнесла медсестра, стараясь вложить в свой голос оттенок заботливости. – Такие глаза красивые у тебя, открывай чаще личико.

– Хорошо.

– Давай приводи себя в порядок и направляйся к Станиславу Сергеевичу.

– Сейчас?

– Ну а когда?

– Я просто хотела порисовать сейчас...

– Сходи к Станиславу Сергеевичу, а потом будешь рисовать сколько твоей душе угодно.

– Ладно.

Света поправила еще раз свой воротничок и вышла.

День и правда был чудесный. После зимы, которая всегда омрачала своей белизной и без того светлые стены психиатрической клиники имени Сеченова, первые солнечные дни по-своему выражали и предназначение клиники, и своеобразную внутреннюю ее атмосферу. При входе сидел старый вахтер с газетой, возле регистратуры и приемного отделения мужчина в джинсовом комбинезоне заправлял кофейный аппарат новыми стаканчиками, а на втором этаже в конце коридора, за столом, в своем кабинете, сидел главный врач Станислав Сергеевич. На четвертом этаже три санитары внимательно следили за тем как несколько пациентов надевают ветровки, дабы не простудиться во время прогулки. На третьем этаже, в одной из палат-одиночек расчесывалась Анна.

Станислав Сергеевич, облокотившись своей пепельной бородкой на руку, скучающим взглядом, с тоской, разглядывал свой мобильный телефон, который лежал на его столе и очень

часто разряжался. Главврачу шел уже пятьдесят второй год, он был молод душой, но домашние горести, профессиональные навыки, обязанности, соответствующие его высокой должности, старили его слишком быстро.

Анна собрала волосы в шелковую сетку, убрала за уши некоторые локоны и вышла из палаты. В коридоре стоял Паша и чуть вдалеке, в проходе, мялся Андрей, почесывая затылок и хмурия брови. Первый стоял, опираясь плечом на угол дверного проема, и смотрел на второго. Паша был почти самым молодым на этаже, он страдал постконтузионным синдромом. Андрей – полиморфным психотическим расстройством. Как и большинство пациентов этого этажа, они все мучились психическими заболеваниями пятого класса, оттого санитары и прозвали третий этаж «этажом пятиклассников». Здесь бывало спокойно, но во время обострения одного «пятиклассника» зачастую искажался мир еще нескольких и приступ набирал массовые обороты. Крики, вопли, раздирающие страхом стоны, волновали души даже самых невозмутимых санитаров и опытных медсестер. К счастью, такие дни случались все реже – медсестры научились более оперативно вручать успокоительное всем, когда у кого-то одного случался внезапный приступ.

– Привет! – застенчиво произнес Паша, увидев Анну.

Она ходила тихо, плавно и медленно. Порой казалось, что ее походка высокомерна, но улыбка и легкость в движениях напоминали скорее поведение балерины: иногда она, словно невесомая, плыла по земле. Стройная, худенькая и временами аккуратная в поведении, она волновала сердца многих пациентов, но Пашу – особенно. Он поправил дрожащей рукой свои круглые очки и помахал ей рукой. Его улыбка стала еще шире и приветливей.

– Приве-е-ет! – повторил он громче, беспокоясь, что Анна не заметит его.

– Здравствуй, – одобрительно кивнула Аня. – Как ты, дорогой?

– Хорошо, – застенчиво пробурчал Паша, стараясь то скрыть улыбку, то, наоборот, улыбнуться сильнее. – А ты как?

– Ты сегодня хорошо выглядишь, – улыбнулась девушка, проведя рукой по его плечу и, направившись дальше, кивнула Андрею. – И тебе привет, Андрюш.

Андрей продолжал чесать затылок одной рукой, а второй истерично тряс перед собой, стараясь прекратить произвольную дрожь пальцев. Анна взяла его за руку и поправила ему волосы, часть которых от почесываний уже торчали, придавая ему печальный, но в то же время забавный вид. Андрей, увидев сочувственную улыбку Анны и искреннюю жалость во взгляде, слегка успокоился и прекратил говорить себе под нос.

– Почему ты мне волосы не поправила, а ему поправила? – произнес Паша. Губы его дрожали от обиды, он стал глубоко, прерывисто дышать, удерживая слезы в глазах.

– Потому что, – улыбнулась Анна с жалостью, – у тебя всегда аккуратная прическа, дорогой, а Андрюша уже растрепал себе все волосы.

– Я тебя раздражаю? – не останавливался Паша, решаясь на то, чтобы в обиде убежать обратно в палату, но не выглядеть при этом глупым трусом.

– Как ты можешь раздражать меня? – заботливо ответила Анна. – Какой ты глупенький!

– Эх, – фыркнул Паша и удалился в свою палату.

Анна пошла дальше. Большинство пациентов еще сидели в своих комнатах, не было сегодня массовых диалогов, суетливого брожения по коридору. «Довольно спокойно, – прикинула про себя Анна, – очень под стать погоде». Из палаты выскочил чем-то озабоченный старик с закрученными кверху усами и соловьиным взглядом.

– Услышал твой голос, Анют, – произнес он.

– Здравствуйте, Леонид, – приветливо улыбнулась Анна.

– Привет! – тяжело дыша, быстро ответил старик. – Я все думаю о нашем вчерашнем споре...

– Вы слишком много думаете, – сочувственно произнесла Анна. – Послушайте лучше нашу Светлану, медсестру. Она так и говорит вам, что все ваши недуги оттого, что вы много думаете.

– Тем не менее! Я не могу никак прекратить пережевывать в голове твои слова! Особенно вот это твое... О Риме. Знаешь, в нашей вчерашней беседе...

– Меньше философии, дорогой мой, больше созерцания...

– Золотые слова, красавица ты наша! – воскликнул, преклоняясь перед ней Леонид.

– Меньше философии, больше созерцания, – повторила Анна. – И мысли перестанут вас беспокоить, а начнут приносить удовольствие.

– Спасибо! – нервно кивнул Леонид. – Спасибо! Спасибо!

Анна дошла до конца коридора, зашла в лифт и нажала кнопку второго этажа, где располагался кабинет главного врача. В лифте расположилась пожилая женщина. Лицо ее было бледное, на шее виднелись вспухшие вены, форма рта была искаженной, веки вздутые – все указывало на то, что болезнь за долгие годы изрядно измучила ее.

– Здравствуйте, – тихо произнесла Анна, когда дверь лифта закрылась.

Женщина молчала.

– Здравствуйте, – повторила Анна.

Женщина ничего не ответила. Девушка повернулась к ней, но та мгновенно прикрыла свое лицо руками и вскрикнула, запинаясь с особой тревогой:

– Не говори со мной! Не смотри на меня!

– Я... – растерянно произнесла Аня. – Я просто...

– Ты просто езжай куда едешь! И не говори со мной! Не смотри на меня! Не смотри!

– Ладно.

Дверь открылась, Анна вышла. Женщина осталась в лифте, хоть ей следовало выходить на том же этаже.

Дверь Станислава Сергеевича слегка вздрогнула. Затем еще раз послышался легкий стук.

– Да, – лениво произнес главный врач.

Дверь приоткрылась, он увидел Анну и ее робкую улыбку.

– Можно?..

– Да. Заходи. Присаживайся.

Анна села в кресло. Станислав Сергеевич выпрямился, сделал глубокий вдох и стал сосредоточенным.

– Как дела, Анна? – спросил он серьезным тоном, пронизательно смотря в ее светлые глаза.

– Хорошо, – кокетливо, но скромно улыбнулась Анна, держа свои руки одна в другой на коленках.

– Ты расслабься, – кивнул он. – Мы давно не общались с тобой?

– Немного.

– Сколько мы не общались? Неделю? Полторы?

– Неделю... – подняв кверху глаза, подумала Аня. – Или полторы.

– Ясно. Ну что ж, рассказывай. Как дела?

– В целом все в порядке... Стесняюсь спросить, а ваши?..

– Как у нас обстоят дела с настроением, Аня?

– Хорошо.

Станислав Сергеевич постучал пальцем по столу, постарался улыбнуться.

– Света говорит, что позавчерашняя гроза никак на тебя не повлияла. Это уже наш небольшой успех, правда?

– Гроза? – улыбнулась Анна. – Ах да, гроза... Да, Станислав Сергеевич, спала как в детстве.

– Рисуешь?

– О да.

– Вдохновение присутствует? – слегка засмеялся доктор.

– В полной мере, – усмехнулась Анна.

– Завтра у нас с тобой некоторые тесты, – серьезно произнес Станислав, – я бы рад сказать тебе больше, но сам не знаю, что там за тесты. Доктор Охрименко подготовил их специально для тебя.

– Охрименко, – задумалась Анна. – Это который...

– Который что?

– Который в белой рубашке?

– Многие здесь в белых рубашках, – засмеялся Станислав Сергеевич, во время смеха глаза его становились маленькими, а лицо безмерно добрым. – И Охрименко в рубашке, и я, как видишь.

– Хм, – задумчиво улыбнулась Анна, в ее глазах появился загадочный огонек, который не очень нравился профессору.

Он подвинулся слегка ближе к столу и пристальней взглянул на Анну. Ее головка слегка наклонилась вперед и, подняв на него свои глаза, она начала терять растерянность, взгляд наполнялся уверенностью.

– Что, Анна? – напряженно и внимательно произнес врач.

– Многие здесь в белых рубашках...

– Да.

– Но, как говорится, можно было взять и свежую, – улыбка Ани не сходила с лица. – Для чего экономить, их ведь и так несколько десятков. Верно, доктор?

Лицо Станислава Сергеевича побледнело, его пепельная борода, скрывающая губы, задрожала от удивления и гнева. Он растерянно заморгал глазами, быстро собравшись с мыслями, решил что-то произнести, но мысли отскакивали от языка куда-то внутрь, так и не превращаясь в речь.

– Грозу я перенесла отлично, здесь вы правы. Но не все переносят ее хорошо, правда, профессор? Что вам мои дела, я ведь лечусь. Вроде как, поговаривают, что успешно... Расскажите лучше, как ваши дела? Как дети?

– Выйди, – сквозь зубы процедил Станислав, закрыв глаза. – Отправляйся в свою палату. Завтра на два часа, в терапевтическом, у тебя тестирование. Не забудь и будь вовремя. Отправляйся в палату, Аня.

Анна встала. Надменно вздернув голову, направилась к двери. Выражение лица ее выражало глубокую обиду. Дверь за ней закрылась. Станислав Сергеевич глубоко вздохнул, снял очки и протер глаза. Руки немного дрожали. Он потянулся рукой к дверце маленького канцелярского шкафчика, достал оттуда бутылку коньяка и рюмочку, налил себе немного и выпил. Затем спрятал бутылку, поднял трубку служебного телефона и набрал короткий номер.

– Света? Войди ко мне в кабинет.

Света знала этот тон. Таким голосом главный врач обычно говорил, если что-то было не так. Она быстро доела кусок вареного картофеля, сделала глоток чая, накрыла крышкой кастрюлю с обедом и направилась к нему в кабинет. По дороге, у лифта, она встретила Анну.

– Была у Станислава Сергеевича?

– Да.

– Так быстро?

Аня с жалостью посмотрела на нее и промолчала.

– Как поговорили?

– Боюсь, – расстроено вздохнула Анна, – главный врач сегодня не в настроении.

Света подозрительно посмотрела на пациентку. «Что-то не так, снова она что-то сказала», – подумала медсестра. Лифт открылся, Аня зашла внутрь, Света направилась в кабинет профессора.

– Привет, Светланочка.

– Здравсьте. Ну что там?

Она вопросительно смотрела на него, а он не знал, что сказать. За годы работы между Станиславом Сергеевичем и Светой сложились прочные профессиональные и дружественные отношения. Она стала не только самой приближенной его коллегой, но и тесным другом его семьи. Света знала, что когда что-то не так, ее он зовет первой. Она единственная в клинике знала главного врача как глубоко эмоционального человека, настоящего психиатра, как личность, на которой держалась не только вся больница, но и сотни неписаных правил. Уволься он со своей должности, она в тот же день ушла бы следом.

– Так... – напряженно произнесла она. – Была у вас Анечка?

– Анечка... – вздохнул он. – Была у меня только что Анечка. Ты присаживайся, Свет.

Света села в кресло, на котором три минуты назад сидела пациентка.

– Я говорил уже с тобой когда-то об этом. Зря только тебя дергаю, – почесал он затылок, его взгляд постепенно успокоился. – И с Охрименко говорил, и с Йосиповной эту тему поднимали. Я не могу понять, ей помогает миринил или нет? Топрал удвоить или наоборот, совсем исключить? И вообще, диагноз мы правильный ставим? Охрименко прав или нет?

– Стоп, – приподняв правую руку, произнесла медсестра, сразу опустив ее, ведь это глупая привычка успокаивать пациентов. – Вы это все к чему? Чем миринил не угодил? Топрал зачем удваивать? Что опять случилось?

Станислав Сергеевич горько засмеялся, махнул рукой и слегка стукнул ладонью о стол, бессильно откинувшись на спинку своего кресла.

– Да какой миринил, Свет?... – произнес он. – Час назад я говорил с женой.

– И?

– Маша уложила Костю спать и спросила меня, что я сегодня одел, – главный врач пожал плечами и указал на свою рубашку. – Я ей сказал, что надел вот эту рубашку. И знаешь, что мне сказала моя жена?

Света в упор смотрела на профессора. Едва дыша она слушала его, не понимая к чему главврач ведет.

– Жена сказала мне, мол, зачем именно эту было надевать, можно было взять и свежую, зачем экономить рубашки, если их у меня несколько десятков. Пять минут назад наша Анечка сказала мне, что можно было бы одеть свежую, у меня ведь несколько десятков и так далее... Слово в слово, Свет!

Медсестра опустила голову и глубоко вздохнула.

– Ну, ведь это и раньше было...

– Было, но временами проходило. Каждый раз незадолго до ее этих приступов такое вот происходит. Не передать, Светочка, как меня это выводит.

– Понимаю... С этим ничего не поделать. Хотя, когда мы стали ей давать топрал, то...

– Это не все. Три дня назад гроза была... Мы с Машей просидели с Костей до утра всю ночь. Дважды вызывали скорую. Нейролептики только на двадцать минут срабатывали, и он снова кричал и кричал... До утра. Кричал и кричал, – глаза Станислава Сергеевича наполнились пронзительной болью и стали влажными, он вновь стал переживать страшные моменты, которые преподносила болезнь сына. – И знаешь, что мне сказала эта... – он гневно сжал рот, едва не выругавшись. – Она говорит мне «грозу я перенесла отлично, но не все переносят ее хорошо, правда, профессор? Расскажите, как ваши дела? Как дети?»

– Боже... – тихо произнесла Светлана. – Станислав Сергеевич...

– Я не знаю, что мне думать. Или она стоит под моими дверями и слушает сутками... Или кто-то из медсестер ей рассказывает обо мне! Откуда она знает о болезни моего сына?

– Исключено, – резко прервала его Света. – Во-первых, кроме меня никто о вас ничего и не знает...

– Именно!..

– Вы думаете, что я?.. – Светлана раскрыла рот от изумления и обиды. – Что я ей рассказываю, что ваш...

– Да нет. Просто!..

– Нет-нет, Станислав! – Света встала с кресла. – Мне больно за вашего Костю, я рада разделить эту беду и понять все, помочь во всем! Но, если вы считаете, что я... Я могу... Как вы вообще?..

– Я просто сказал, что это единственное...

– Единственное что?! Аня не только с вами такие фокусы выделывает! К ней Гришаневролог уже дважды ходил, чтобы узнать на какую футбольную команду поставить! – она размахивала руками и старалась сдерживать эмоции. – Да и почему я оправдываюсь?! Почему я должна?

– Присядь...

– Станислав Сергеевич, – едва не плача произнесла медсестра, – ваша жизнь и здоровье вашего мальчика... Я никогда не стану трепать об этом...

– Присаживайся, говорю тебе!

Света села в кресло и вытерла слезу из-под правого глаза.

– Ругаться с тобой после того, как наша Анечка ко мне заходит, нам не впервой. Это уже как рабочая примета, – засмеялся профессор. – Я не то имел в виду. И ты не обижайся. Как минимум потому что я не обижал тебя. Меня сильно, признаюсь тебе, пугают эти ее фокусы. Особенно вот сейчас, когда она катком проехала по живому! Этот ее взгляд, это ее чертова, никому не нужная, пронизательность. Знание того, что намертво ведь скрыто от нее!

Он замолчал. Света тоже молчала. Они беспомощно смотрели друг на друга.

– Косте, кажется, хуже... – тихо произнес Станислав Сергеевич, отведя глаза в стол и вздрогнув от собственных слов, словно пока он это не озвучивал, беда не была бедой. Он усиленно сдерживался, дабы не заплакать. – Мы с Машей уже неделю почти не спим... Мы все надеемся, что это пройдет, как прошлой осенью... Но, знаешь... Он теперь кричит сильнее, чем тогда. И спит все хуже.

– Вы Юрию Александровичу звонили?

– Конечно, – горько ухмыльнулся Станислав Сергеевич. – Я его так заморил своими звонками... Маша моя с ума сходит, как и я. Я ему уже несколько раз посреди ночи звонил и спрашиваю, что делать? Он... Не знаю, что это за человек такой выносливый во всем. Всегда Юрий Александрович говорит со мной – что в два часа ночи, что в пять утра. Открыл мне двери больницы и их центра эпилепсии... Можно спокойно его класть туда, в больницу эту, но разницы никакой... Уж лучше дома, коль так.

– Берите отпуск, Станислав Сергеевич... – беспокоило и нервно произнесла Света. – Правда! Берите отпуск!

– Месяц назад только из отпуска!

– Да не важно. Просто едете домой, и сидите там с Костей! Мы все вас тут прикроем. За это не беспокойтесь. Отправьте Машу на дачу, пусть отдохнет неделю и выспится, правда! Вам, конечно, тяжело будет, но и мы вас не оставим! О жене подумайте. Уверена, что и Юрий Александрович, и все неврологи что-то сделают.

– Ты так думаешь?

– Я думаю, что в таком режиме и с ума сойти недалеко, – Света указала рукой на двери кабинета. – А там, глядишь, вы станете соседом нашей Анечки! Вам нужно думать и о Косте,

и о Маше. И о себе. Отправляйте жену отдыхать и отсыпаться. Маше, я уверена, это нужно! А сами – с Костей в больницу и пусть лучшие неврологи думают да гадают, как все это исправить.

– Через четыре дня конференция... – пробормотал Станислав, в уме подсчитывая дни календаря. – Значит, со среды я может так и сделаю.

– Вот и правильно!

Он замолчал, улыбнулся от надежды, которая внезапно согрела привычное отчаяние. Света заметила этот живой блеск в его глазах и кивнула ему, сделав глубокий вдох и выдох. На его лице отражалась и уходящая тревога, и безмерная благодарность самой лучшей его медсестре.

– Итак, – произнес он, стараясь строгостью тона развеять образовавшиеся сантименты. – Так что там наша Анечка?..

– Сегодня у нее была чистая расческа...

– Значит?..

– Думаю да. Обычно она всегда после того, как вырывает себе волосы, складывает их или возле своих картин, или наматывает на ручку двери... В крайнем случае она их оставляет в расческе... Но сегодня, расческа чистая...

– То есть есть?..

– Выходит, что да. Как правило, если волос нет нигде, значит она их съедает. Я сегодня посмотрела на нее, когда нашла расческу. Она поняла, что я все поняла.

– Ладно, – сложив руки перед собой, произнес Станислав Сергеевич. – Чисто предположу... А может быть такое, что она все-таки их вовсе уже и не вырывает?

– Если бы каждые три месяца не приходилось промывать ей желудок, то я могла бы такое предположить.

– Хоть один препарат ей помогает?!

– Вроде бы да! – не без эмоций воскликнула Светлана, поскольку этот вопрос ее тоже волновал. – Цикличность приступов изменилась после добавления топрала, но, – разводя руками, добавила она, – изменились и сами приступы. И тут уже топрал не при чем. У нее замечалось уже все, что только можно. Если эти ее «фокусы» считать симптомом приближающегося приступа, как фрагмент симптоматики, то... Черт возьми, в истории болезни такое же не напишешь!

– Да пиши уже что угодно! – махнул рукой главный врач. – Лишь бы работало!

– В истории болезни не принято писать, что пациент начинает предсказывать будущее и говорить о людях то, чего он физически никак не может знать.

– Но ведь она это выделяет за пару дней до приступа.

– Да.

– Значит, есть проверенная закономерность.

– Верно.

– Значит, пишите. Еще немного и уже сам Охрименко поверит, что не с этой планеты, эта наша Анечка.

– Я думаю, он давно уже понял, – усмехнулась Света. – просто боится.

– Охрименко? Хе-хе, боится? Чего?

– Как минимум того, что образ его, эдакого психиатра–механициста, не верящего ни во что, кроме того, что все в мире приводится в движение большими, ржавыми шестеренками.

– Да брось, Светланочка, – усмехнулся Станислав Сергеевич. – Не такой уж он архаичный и консервативный...

– Архаичный! Вот это в точку. Самый, что ни есть!

– Все его методы и его работы... А ведь от них веет и современностью, и инновациями! Между прочим, он практически лучший.

– Вы просто повторяете первые строки его брошюры?

- Нет, – улыбнулся главный врач. – Но он лучший, это неоспоримо.
- Психиатр, это да. Но также он лучший коммунист, материалист и атеист.
- Станислав Сергеевич засмеялся:
- Но медицина – это наука, Светочка.
- Вот и боится Охрименко, что будет подорван его стиль научного сухаря.
- Нужно предпринять некоторые меры, – подняв указательный палец, строго кивнул Станислав Сергеевич. – Например, запретить ей подолгу общаться с пациентами.
- Но...
- Знаю, это мы уже делали и у нее начался приступ на почве ограниченной... Как там?
- Ограниченной свободы.
- Да. Но тем не менее нужно как-то хитро оградить ее от долгих бесед.
- Оградить?..
- Отвлечь как-то. Передай санитарам.
- Думаете, она уж совсем плохо влияет? Ребята вроде как замечают, что она, наоборот, очень добрая...
- Добрая?!
- Ну да, – растерянно ответила Света, – добрая это не лучшее, конечно, в данном случае слово, я понимаю...
- Йосиповна раскусила ее раньше нас всех, – говорил главный врач, упорно следуя за ходом своих мыслей. – Она, говоришь, успокаивает других пациентов? Да, но тем самым их запутывает в глубину их же безумия. Например, Леонид что-то ей рассказывал о Древнем Риме. Не помню в чём была суть истории, то ли про Нерона говорили, то ли еще про какого-то там их императора... В общем, что-то он ей рассказал. Сам-то он ведь ни черта не знает про это, ему ведь просто кажется, что он историк... Она начала спорить, причем по ходу спора она успокаивала его, советуя ему меньше думать. И вот, пожалуйста! Леониду, как все мы знаем, нужно меньше размышлять, его расщепление личности в ином случае начинает обостряться. Наша заботливая Анечка ему советует не думать много, любит говорить: «Леонид, дорогой, вы себя погубите...» Но в итоге она ему твердит, что Нерон на самом деле говорил не так, сделал не то, да и физики того времени не знали, что можно так-то и так-то. Но, продолжает советовать ему, чтобы он не грузил себя мыслями.
- Но она же не психиатр, – улыбнулась Света. – Думаю, что ей может быть просто скучно и она делится мыслями с Леонидом.
- Хех, – засмеялся профессор. – Так-то оно так! Но у нашего Леонида внутри есть две личности, которые мы усиленно стараемся искоренить и вернуть старичка социуму. Одна его личность – историк, а вторая, как он считает, – физик. Вот, пожалуйста, наша Анечка заботливо отправляет нашего Леонида обратно в палату, где он на полную катушку расщепляется, и Леонид-физик с Леонидом-историком спорят о Риме. Ну так как? Помогает или успокаивает?
- Я даже не думала об этом. Думаете, она специально?
- Никто не знает, что думать, а что не думать. Но ее нужно оградить от остальных. Не полностью, лишь немного. Отвлекать от бесед с ними, не давать возможности собираться в коридорах, это ни к чему.
- Хорошо. Я передам всем.
- Беги работай, Светочка, – вздохнул Станислав Сергеевич. – Спасибо тебе за все, не смею задерживать, и так надоел уже.
- Ничего подобного!
- Ой-ой, – скривился главврач, – если я и не надоел, то активно пользуюсь твоей отзывчивостью. Беги, я краду у тебя обеденное время.
- Ладно.
- Медсестра встала с кресла и направилась к двери.

– И еще, Свет. Вопрос!

– Да?

– По поводу Гриши. Невролога нашего. Ты говорила, что он бежит к нашей Ане узнавать прогнозы на футбол?

– Да, – печально кивнула медсестра, – бежит.

– И как?

– Вы имеете в виду, хорошо ли она предугадывает?

– Именно.

– Наш невролог Гриша еще ни разу не проиграл, – кивнула Света.

– Ясно. Не сомневался.

Дверь за Светланой закрылась. Станислав Сергеевич погрузился в мысли.

Глава 2

День закончился. Весна сегодня днем показала себя чересчур хорошо. День выдался очень теплым, даже перед полуднем небо было удивительно ясным, светлым. После обеда даже стало немного жарковато. В воздухе, весь день, чувствовались летние запахи ультрафиолета, а заход солнца, казалось, был отсрочен чуть ли не на час. Эту оплошность весенняя пора года исправила под самый вечер: облака спустились ниже и на землю хлынул дождь.

Ближе к часу ночи дождь усилился. После двух он заметно ослаб. По жестяным козырькам, за окнами, стало барабанить реже. Вместо дождливого шипения, сквозь оконные решетки прорвался запах свежести. За больницей, в ее внутреннем дворе, располагался небольшой сад, именно он наполнил воздух запахом сирени и мокрой травы. Печальный, скучный ветер стал окрашен ароматами желтых тюльпанов и проник в каждый уголок палаты, властно разгуливая по закоулкам тоннелей коридоров. Весну теперь чувствовали даже стены больницы. Проронив последнюю каплю дождя, опустошенные тучи вздохнули и задремали над крышей, их бы даже не было видно, если бы не свет луны, который, казалось, подсвечивал облака изнутри, придавая им грозный вид. Больница и ее сад казались немного одинокими, желтоватый свет из коридорных окон в этих бледных лучах, наделял здание ложной таинственностью.

Маргарита, дежурившая этой ночью на третьем этаже, чувствовала себя не очень хорошо. Днем ее мучила сильная мигрень, а сейчас голова казалась наполненной свинцом. Шел уже третий час, утомленность опускала веки на глаза. Она сидела за столом в конце коридора, ее руки освещал свет тусклого ночника; весь коридор был залит оранжевым, вздрагивающим светом лампы. На столе лежал томик Джоан Роулинг с закладкой на сто шестой странице, рядом возле ночника, червовым валетом вверх, лежала колода карт, оставленная каким-то санитаром с прошлого дежурства. Джоан Роулинг плохо читалась этой ночью, тяжелая голова, притупленные от мигрени мысли не позволяли сосредоточиться. В коридоре было абсолютно тихо, лишь капли дождя срывались с крыш, цепляя на пути все выступы. Над дверью лифта застыла электронная, зеленая цифра "1". Механизмы, медицинская аппаратура, пациенты – все вокруг было погружено в сон.

Она вздохнула, печально подпухшими глазами взглянула на свою книгу, мысленно снова постаралась ее открыть. Если все, что у тебя есть с собой – это книга, но тебе не хочется читать, значит, ты в той еще западне. Где-то, в одной из палат, послышался хриплый мужской кашель. Маргарита узнала этот хрип – Леонид. Он, по всей видимости, переваливался с боку на бок.

Тишина. Лишь отдаленный писк старой ртутной лампы, на которой из-за сквозняка вздрагивают на паутинках высохшие насекомые. Звук этот словно заигрывает с навязчивым писком в ушах Маргариты. Дежурная опустила голову щекой на стол, затем подложила под голову руку. Перед ее глазами виднелся корешок книги. Она прикрыла тяжелые веки, фиолетовые капиллярчики наполнились кровью уставшей женщины. Веки, казалось, рухнули. Очень уж сильно хотелось спать. В глазах ощущалось жжение. Даже час сна, понимала она, спас бы ее от несносной усталости. Веки напряженно постарались подняться, но расплывающийся корешок книги растворялся в ее засыпающем сознании. Вся тяжелая тишина, вместе с ее мыслями, медленно закружились вокруг нее и стола, голова становится легче и сами тучи, казалось, шепчут ей: «Довольно... Спи с нами, после нашего дождя нечего бодрствовать». Она сладко засыпает. Дыхание дежурной медсестры становится ровнее, дневное напряжение без следа мигом ушло с ее лица, кожа посветлела, разгладилась. На ее мягкой руке глубоко заснул ее разум.

Сквозь сон она вновь услышала покашливание Леонида, эхо от стука капель дождя и далекий шелест молодых листьев. В своих собственных начинающихся сновидениях Маргарита становилась все более невесомой, не привязанной к этому столу, ночнику, коридору... Хотя, казалось, что вместе со всем этим она и уснула. Стены клиники становились все дальше

от нее, кашель Леонида становился все тише, мысли ее теряли свою целостность и значимость. Очередное покашливание. Ну и черт с ним, этот умалишенный старик всегда во сне кашляет... Но кашель был недалеко. Сквозь сон и слабость Маргарита услышала этот звук около своего стола. Чепуха, такого быть не может, все пациенты закрыты в своих палатах снаружи! Она лично проверяла, так что все это ей кажется, не более. Но кашель, казалось, нарастал, и дежурная, возвращаясь из своих снов, все четче осознавала, что это кашель не Леонида. Голос казался тонким, превращаясь едва не в детский.

Она резко открыла глаза. На ее книгу, прямо перед ее лицом, положила голову Анна. Пациентка широко улыбалась и смотрела пронзительно Маргарите в глаза.

Едва оправившись от минутного, но глубокого сна, не успев даже сделать вдох, с широко раскрытым ртом, дежурная отпрыгнула от стола и непроизвольно вскрикнула. Глаза Анны, казавшиеся то наивно-детскими, то подозрительными и даже хищными, были намертво прикованы к взгляду Маргариты. Только сейчас дежурная сделала вдох, ощутив до чего же сильно бьется ее сердце между лопатками. Глазам не веря, она, тем не менее, успокаивает себя; в ее голове автоматически пролетают инструкции, которые необходимо выполнять, когда имеешь дело с буйным пациентом. Но ведь буйства-то никакого нет.

– Анна? Ты?.. – прошептала дежурная.

Ловя ртом воздух и справляясь с потемнением в глазах, Маргарита старалась справиться со своим сбитым дыханием и бешеным стуком в груди.

Анна же стояла молча и продолжала смотреть. Ее тело было наклонено, голова лежала на боку, щекой на книге. Руки ее вцепились в стол, а на лице так и замерла широкая улыбка. Застывший блеск в ее светлых глазах и полное отсутствие каких-либо движений делало ее похожей на большую детскую куклу. Анна уже более минуты, а может и дольше, вот так вот стоит. Маргарита уже начинала чувствовать, что на ее голове волосы встают дыбом. По спине быстрой волной пробежали мурашки. Она поднялась на ноги, отошла от стены и осторожно принялась обходить стол, стараясь держать достаточную дистанцию для какого-нибудь маневра. Пациентка продолжала стоять и по-прежнему не двигалась. И лишь подойдя к ней сбоку, Маргарита заметила в унылом свете ночника, что глаза Анны двигаются – она смотрит на дежурную в упор и взгляд не отрывается от нее ни на секунду. Неприятная ситуация, а для Маргариты даже страшная. Она хотела просто громко закричать, но, то ли она боялась испугаться своего собственного крика, то ли уж точно не хотела спровоцировать Анну.

Ситуация начинала становиться очень непредсказуемой. Что-то спустя мгновение должно было произойти, Маргарита понимала это. Внутри все было сжато, дежурная стала медленно отходить назад. Отойдя на метра четыре, медсестра увидела, что Анна поднимает голову. «Сейчас она побежит, – испуганно подумала Маргарита, – сейчас она побежит на меня». В ушах начало звенеть, в голове стучит пульс, в висках стук уже не шуточный... Маргарита медленно берет руками за лицо и с ужасом замечает, что ее глаза закрыты и она смотрит на все сквозь свои веки и пальцы. Она открывает глаза и сотни мурашек, нервно бегущих у нее по плечам, кажется, опадают все в один миг: вот она лежит головой на руке и видит перед собой книгу. Она резко подняла голову – Анны нигде вокруг нет. Набирает полные легкие воздуха и радостно трогает свои плечи и локти, словно пытаясь убедиться, что она не спит. Да, только что ей приснился чертовски страшный и слишком реалистичный сон.

Теперь все в порядке. Так и есть: вокруг тихо, палаты всех пациентов, как и предполагалось, были закрыты. Вдалеке коридора, в палате Леонида, слышалось его хриплое покашливание. Маргарита нервно засмеялась, тихо, но с блаженным, судорожным, истеричным удовольствием пробормотав:

– Ну и сон... Ну и сон...

Дежурная вздохнула и, словно делая себе одолжение, раскрыла книгу Джоан Роулинг, вынула между страниц закладку и положила рядом. Внезапно в стенах, казалось, из самых недр

клиники, послышался гул – с характерным потрескиванием троса поехал лифт. Маргарита повернула голову и увидела, как цифры, номера этажей над лифтом, стали меняться. Цифра «1» превратилась в «2», затем в «3», что указывало на то, что лифт сравнялся с ее этажом. Но двери не открылись, лифт поехал выше. Засветилась цифра «4», он остановился, сверху послышался скрип открывающихся дверей, затем двери сразу закрылись и лифт отправился обратно, вниз. Цифры попрыгали в обратном направлении. Теперь лифт остановился на первом этаже. Его двери открылись снизу, опять закрылись, и он вновь поехал вверх.

– Санитары? Или вахтер? – испуганно прошептала Маргарита, ощущая, как ее сердце опять обнимает непонятный страх.

Лифт снова остановился выше. На четвертом этаже его двери открылись и на этот раз послышались шаги. Из него кто-то наконец-то вышел. Двери кабины неспешно закрылись, над дверцами лифта замерла цифра «4». Маргарита услышала, как открылась хлипкая дверь на лестницу, после чего на ступеньках послышались тяжелые шаги. Кто-то спускался к ней на этаж. Она трясущейся рукой схватила трубку служебного телефона, едва не уронив его. Быстрое нажатие кнопки – и на связи с ней был вахтер.

– Да, – послышался сонный старческий голос.

– Это Маргарита, дежурная с третьего этажа, – быстро проговорила медсестра, прижав к уху трубку и испуганно смотря на дверь, из которой спустя мгновение должен был выйти кто-то.

Звуки шагов становились все ближе и четче, с каждым шагом становилось понятно, что идущий невероятно огромен.

– Да-с... – лениво пробормотал вахтер.

– У меня тут кто-то между этажами ходит! И лифт туда-сюда ездит! – едва ни плача и не зная громко ей разговаривать или тихо, молящим голосом, произнесла Маргарита.

– Что? У меня тут никого, – голос вахтера стал собранным, ведь если он кого-то случайно пропустит, то медсестра может его сразу же уволить.

– Что значит «никого»?! Лифт на четвертом этаже! Кто-то спускается по лестнице!

– На каком четвертом? – ответил вахтер, в голосе которого уже звучало недоумение. – Лифт стоит на первом.

– В смысле? – прислонив трубку вплотную к бледным губам, пропищала медсестра. – Лифт на четвертом этаже стоит! И кто-то на лестнице!

– Лифт на первом! Я же вижу!

Маргарита чуть не уронила трубку – лифт и правда был на первом, над дверцами зеленела цифра «1», а шагов на лестнице, словно и не было никогда.

– Но я же видела, как он был на четвертом! – не сдержав слезы, произнесла она.

– Да что там с вами?! Марго, давайте я поднимусь к вам?

– Да, поднимитесь. Если не сложно...

– Хорошо. Лифт стоял на первом, он никуда не ездил. Я бы услышал...

Вахтер положил трубку. Маргарита услышала, как двери лифта теперь действительно открылись, внутрь вошел вахтер, двери закрылись, и он поднялся к ней на этаж. Из лифта вышел пожилой, невысокий мужчина, посмотрел по сторонам, развел руками и произнес:

– И где? Кто там к вам спускается?

– Посидите со мной пару минут, – растерянно, вытирая слезы из-под покрасневших глаз, прошептала дежурная медсестра.

– Что с вами? – скривился вахтер.

– Ничего, – тяжело вздохнула Маргарита. – Я испугалась... Испугалась.

Медсестра принялась указательными пальцами массировать свои виски и с опаской поглядывать в сторону лифта.

– Чего испугались? – раздраженно спросил вахтер. Его разбудили, от этого недоумение превращалось в раздражение.

– Вы посидите со мной здесь? Прошу вас...

– А больницу кто охранять будет?

– Да черт с этой больницей!

Пожилой мужчина одну руку держал в кармане брюк, второй медленно почесывал затылок. На его лице было полное непонимание.

– Хотите?.. – нервно воскликнула Маргарита, вскочив со стула. – Хотите я вам кофе сварю?

Медсестра начала судорожно рыться в своей сумке.

– Бутерброд хотите? – не унималась она. – У меня еще вот вафли есть. С орехами.

– Гляжу, доця, тебе совсем тут тяжело, – сочувственно вздохнул вахтер и присел рядом на второй стул.

– Не то слово, – кивнула Маргарита.

Она рассматривала своими большими, сонными, испуганными глазами вахтера и его рыбацкий жилет. Тяжело вздыхала и качала головой, отчего вахтер сочувствовал еще сильнее.

– Дык, – пробормотал вахтер, – а чего случилось-то? Буянил кто-то?

– Да нет... Не буянил, – развела руками Маргарита. – Просто... Ой, я даже не знаю, что сказать... Приснилось мне. Или не приснилось. Не знаю я, так реально все это... Ой, боженька, вспоминаю, аж в пот бросает! А на лифте точно никто не ездил?

– Точно.

– Может вы уснули?.. Не услышали чего?..

– Я спал, дремал, – признался вахтер. – Конечно, я спал, тут уж не сомневайтесь! Но лифт я всегда слышу, да и на первом этаже никого не было. Кроме того, – на лице вахтера показалась хитрая ухмылка, – я-то трезвый. Я, Марго, если честно, думал пятьдесят грамм уложить перед дежурством... Но погодка у нас дождливая оказалась... Хех, просыпаться завтра с головой чугунной нет желания.

– О, – воскликнула Маргарита, – я бы выпила! Слушайте, а давайте выпьем?

– Еще чего! – засмеялся вахтер. – Ты чего, дочь? Ты же медсестра, ты на дежурстве. Ладно я, у меня служба без горячего – не служба. Но ведь ты – ученый человек.

Вахтер глядел на медсестру и, хоть он совершенно не понимал, что произошло, ему было искренне ее жаль. Маргарите было спокойно оттого, что рядом был хоть кто-то. Постепенно пропадавал этот невнятный страх. В его старческих, голубых, немного водянистых глазах и настоящей доброй улыбке, в которой недоставало нескольких зубов, она ощущала спокойствие. Простая доброта и человечность – все точь-в-точь как у ее покойного отца.

– Нет уж, – приподняв указательный палец, покачал головой он, – как бы сильно я ни хотел выпить, дорогуша, хотя, признаюсь, очень уж мне это нужно... Но как бы я ни хотел выпить, не будем мы с тобой сегодня пить, не хорошо это... Давай, знаешь что? Давай-ка в картишки поиграем? Ставь кофе, сыграем партию, там глядишь и ночь пройдет.

– Давайте! – радостно воскликнула Маргарита, привстав со стула и открыв ящик, в котором хранилась баночка с кофе.

– Я с Валеркой, вашим дежурным, позапрошлой ночью играл. Скучно ему было. Хех, бедняга так нудился, что аж косточки ему ломило. Где-то тут я карты у него оставлял. Не видала?

– Возле ночника лежат, – кивнула медсестра.

Сказав это, Маргарита снова почувствовала, что теряет контроль над собственными эмоциями. Побледнев, она села обратно на стул. Колоды карт, лежащих червовым валетом кверху, не было, словно никогда на столе они и не лежали.

– Здесь же были, – стукнув ладонью по столу, произнесла она. – Возле моей книжки лежали!

– Может в ящике каком? Валерка черт знает куда мог их забросить.

– Да нет же, – задрожала Маргарита, – нет же! Лежали на столе! Перед тем как я уснула, своими глазами их видела!

Вахтер осторожно взял медсестру за плечо и дернул ее.

– Эй, взгляни, – произнес он, прищурено всматриваясь в темную глубину коридора. – Так и должно быть?

Дверь палаты, в которой спал Леонид, плавно отворилась. Оттуда медленно вышла Анна и, пересекая коридор, направилась к своим дверям.

– Петрович, – прошептала медсестра, – вы ведь это тоже видите, правда?

– Ну да, – тихо ответил вахтер.

– Анна! – крикнула медсестра. – Анна!

Девушка остановилась посреди коридора, замерла на месте. Сложив на груди руки и опустив кротко голову, она казалась едва заметной, лишь бледный свет луны из дальнего коридорного окна подсвечивал ее волосы и силуэт. Маргарита медленно встала из-за стола и подошла к ней.

– Анют, посмотри на меня.

Анна медленно подняла голову и измученным взглядом уставилась на дежурную, затем на вахтера. Губы ее вздрагивали, рот был напряжен и через силу сжат. Она, казалось, сдерживалась, дабы ничего не сказать.

– Как это ты так ходишь между палатами? – осторожно произнесла медсестра, заботливо, но нервно улыбнувшись.

Лицо Ани резко изменилось, в одно мгновение печаль и тревога превратились в игривую загадочность.

– У Леонида было не закрыто, – улыбнулась она, указав на дверь.

– Я понимаю, – улыбнулась в ответ Маргарита. – Ты открыла его дверь...

– Может и открыла, – едва сдерживаясь от смеха, произнесла Аня.

– Тебе было скучно, и ты зашла к нему, – понимающе кивнула медсестра. – Но как ты свою дверь открыла? Она ведь тоже была заперта снаружи.

– Вы, может, – медленно проговорила Анна, справляясь с хохотом, подступающим к горлу. – Вы, может, забыли меня закрыть?..

– Нет, не забыли, – настороженно ответила Маргарита. – Ладно, Анют, тебе нужно ложиться в постель.

– Ты такая смешная, – хихикнула Анна.

– Хорошо.

Медсестра подошла к столу и подняла трубку служебного телефона. Анна так и осталась стоять на своем месте.

– Подойдите на третий этаж... – тихо сказала Маргарита в телефон, положила трубку и обратилась к Анне: – Ты давно проснулась?

– Тварь! – гневно прокричала Анна, подняв руку и указав на нее пальцем, лицо ее в ярости изменилось до неузнаваемости. – Сама себя сожри, понятно тебе?! Сама!

Ее губы дрожали, лицо исказилось, от бровей до подбородка проскользнула бледная дрожь, нижняя челюсть стала странно выпирать, а в глазах словно застыл туман.

– Дрянь! Скотина! О боже! – закричала Анна и упала на землю, подползла к стене, поджала к груди колени и закрыла лицо руками.

– Мать Божья... – прошептал испуганный вахтер. – Неудивительно, что ты хотела выпить!

– Пожалуйста, не надо! – закричала Анна, закрыв сильно уши. – Не говори так, не надо!

– За что? За что? – послышался стон в одной из палат.

– Нет! Они здесь! Я же просил сдать! – закричал кто-то истошным воплем в одной из палат снизу.

– Убирайтесь к черту со своим стилем! – закричал бьющийся о стену руками пациент в одной из палат.

– А-а-а! Ну что же это?! – послышался душераздирающий голос из палаты контуженого Паши.

– Да как так?! – послышался крик Леонида. – Где дисциплина?! Просто анализируйте! Слышите меня? Соберитесь и сделайте грамотный анализ!

На этаже показались два санитары. Под общий разноголосый хор, они подошли к Маргарите и без слов поняли в ком проблема.

Анна медленно убрала от лица руки и затаила дыхание: под общую, довольно складную песню криков, двое мужчин с огромными, черными, блестящими, как у мухи, глазами, ухмылялись и подходили к ней. Глаза их казались такими большими, что едва не выходили за контуры их лиц.

– Анечка, – спокойно и настороженно произнес один из санитаров. – Узнаешь меня? Сможешь немного приподняться?

Анна наклонила голову, из ее груди вырвался короткий, но наполненный страхом, крик. Она отчетливо услышала:

– Где ты прячешься, сука?

– Я здесь, – прошептала она. – Только не грызите меня, прошу...

– Ты дрянь, – произнес второй и острые клыки сверкнули над ее лицом.

– Нет! Я ничего не буду такого больше делать, честно, слышите?!

Первый мужчина схватил ее за волосы и со всей силы потянул к себе, при этом яростно хрипя и поблескивая своими чудовищными глазами.

– Я вырву с тебя все, что на тебе растет, мелкая мразь!

– Нет... Нет, я не буду больше смотреть в эти щели, не буду...

– Успокойся, – произнес второй мужчина. – Анна, успокойся, слышишь?

Он держал ее за руку, которой она крепко держала сама себя за волосы. Придя в себя, она судорожно ухмыльнулась: «Ловко они мои же волосы вложили мне в руку». Из другой ее руки второй санитар медленно выводил уже пустой шприц.

– Разожми ей пальцы, она сейчас волосы себе вырвет.

– Не могу, – произнес второй, крепко обняв Анну за плечи, терпеливо ожидая действие укола.

Тело Анны расслабилось. Постепенно в палатах стали стихать крики других пациентов. Не первый раз уже складывалось впечатление, что Анна через какую-то невидимую антенну передает свое безумное настроение всем остальным. Рука ее разжалась, она отпустила волосы, санитары подняли ее и осторожно понесли в ее комнату. Уложив в постель, Маргарита укрыла ее одеялом и взглянула на замок в двери.

– Как она открыла дверь?

– Да, как она открыла дверь? – повторил санитар, разводя руками.

– Это ты мне скажи, – шепотом произнесла медсестра.

– Эээ, – пожал плечами санитар. – Я ее сам вечером, перед сном, закрыл.

Все трое стояли и смотрели на дверной замок, сумеречный свет освещал три фигуры в халатах, и они казались пришельцами с другой планеты, которые прилетели и теперь стоят, не зная, что с этим миром дальше делать.

– Я не знаю, как она открыла, – устало произнесла Маргарита, прищурившись, пытаясь рассмотреть ее картину у стены, на которой несколько мужчин в костюмах угрюмо сидят на

стульях, а над ними парит ангелочек. – Завтра нужно поменять замок в ее двери. Может она ключ как-то раздобыла?..

– Как это «раздобыла»? – возмутился санитар, достав из кармана связку ключей с номерками и указав Маргарите ключ от палаты Анны. – Разве что у меня его украла, но он как был на связке, так и остался.

Медсестра подняла с прикроватной тумбочки колоду карт и показала ее санитару:

– Это, знаешь ли, тоже лежало на моем столе.

Внезапно послышался голос Анны.

– Здесь целые улицы, – произнесла она, – целые улицы, дома... И все они просят дышать, но его лысая башка смеется постоянно.

Санитар достал из кармана халата пустой шприц и показал его Маргарите.

– Ты веришь? – с раскрытыми от удивления глазами произнес он, нервно взмахивая перед медсестрой шприцом. – Марго, ты веришь? Я ввел ей четыре кубика, как она может не спать и разговаривать?!

Анна тихо приподнялась и полулежа, опираясь локтями о кровать, произнесла:

– Эй ты!

Лицо ее становилось все надменнее и строже.

– Эй ты! – повторила она громче, в голосе ощущался приказ.

Санитар с пустым шприцом в руках уставился на нее, второй санитар и Маргарита стояли и переглядывались.

– Эй, придурок! – не унимаясь, произнесла Анна так, словно раздает приказы своим подчиненным, хотя это скорее напоминало наставление генерала своим солдатам перед боем. – Белка уже не грызет орехи, верно? Так и слышу, как она постоянно скулит, чертова псина!

После этих слов, она спокойно легла, повернулась набок, поправила одеяло и уснула. Тяжело дыша, санитар, бледный как свой халат, вышел из палаты. Следом за ним вышла Маргарита со вторым санитаром, они закрыли дверь на ключ, несколько раз дернули за ручку, убедившись, что она точно заперта.

– Остальные вроде как успокоились, – произнесла Маргарита, прислушиваясь к тишине из соседних палат.

– У меня позавчера собака умерла, – запинаясь, сказал санитар. – Белкой звали, помесь немецкой овчарки и бельгийской...

– Так это она?.. – произнес изумленно второй санитар, указывая на дверь Анны. – Это она про твою собаку говорила?

Маргарита молча уселась за стол.

– Несите свои пятьдесят грамм, – кивнула она.

– Несу, – покорно ответил вахтер, сел в лифт и поехал вниз за бутылкой коньяка.

Санитары пошли на свои дежурные места, а Маргарита совсем забыла про томик Джоан Роулинг. За окном медленно наступало утро.

Глава 3

Наступило утро. Дверь палаты открылась, Паша суетливо вышел, смотря себе под ноги и одновременно вместе с тем рассматривая ручку двери, которую он закрывал. Рот его был напряженно сжат, в глазах засела сосредоточенность, во всех действиях была поспешность.

Он закрыл дверь, затем зажмурил глаза и стукнул себя по затылку:

– Черт! Ну я и дурак! – пробормотал он, открыл только что запертую дверь, очутился опять в палате, подошел к окну и, лихорадочно осмотрев свое отражение в стекле, стал приглаживать волосы и оценивать самого себя.

Дернул слегка губами, попытался кратковременно улыбнуться, вновь застенчиво взглянул в свое отражение, махнул рукой и сделав несколько коротких и быстрых шагов взад-вперед, направился к двери и снова вышел. Он спешил, потому как переживал, что опаздывает. Взгляд его стеснительно скользнул к двери в палату Анны и его дыхание участилось.

– Однажды я скажу, что тебя, – пробормотал нервно он, – однажды, я, что тебя!..

Звенящую тишину в голове Паши внезапно заполнил старческий голос:

– Чего ты там бормочешь?

Это был Леонид, он стоял в проходе своей палаты, держал загадочно корпус от шариковой ручки и представлял себе, что курит длинную сигарету.

Паша испугался, словно пожилой сосед мог услышать его потаенные мысли. Леонид держал свою «сигарету», надменно смотрел на парня, посмеиваясь с его нервозности.

– Я спешу, я очень спешу, – пролепетал Паша и, смотря в пол, быстрыми и короткими шагами направился по коридору.

Леонид затянулся шариковой ручкой, сочувственно покачал головой, обернулся и посмотрел на свою кровать.

– Этот парень... Как его? – произнес он, исполняя широкий жест рукой. – Да-да, Павлик... Он сумасшедший. Считаешь, я должен продолжать наблюдать за ним?

Леонид удивленно смотрел на свою кровать. Внезапно он произнес:

– Какой смысл мне в этих наблюдениях? Что ты улыбаешься? Что я этим дам человечеству? У меня на месте стоят мои исследования по систематематике... а ты хочешь, чтобы я?..

Леонид, резко замолчав, выпучил глаза и продолжил смотреть на свое скомканное, белое одеяло. С той же внезапностью, с которой он сам себя прервал, он резко воскликнул:

– Ой горе мне, горе! Ты хочешь от меня так много... Да... Да нет. Да я верю, ну что ты! Ну, все, все... Да, понимаю, что цель моя в этом, но иногда мне просто сложно! Не кричи... Я продолжу наблюдать за всем этим... Я не усомнился, я просто немного устал.

А Паша в это время своими быстрыми шагами дошел до лифта, зашел внутрь кабины, нажал на кнопку и, продолжая приглаживать свои волосы, поехал на нужный ему этаж. Выйдя из лифта, он быстро направился в конец коридора. Ускоряясь с каждым шагом и едва не спотыкаясь, он дошел до кабинета главного врача. Он несколько раз постучал и открыл дверь.

– Здравствуйте! – произнес, он, быстро окинув взглядом Станислава Сергеевича и профессора Охрименко, который сидел напротив главного врача.

Из-за того, что дверь резко распахнулась зашатались оконные рамы. Профессор Охрименко и Станислав вздрогнули. Оба взглянули на беспокойного парня, который стоял в дверях, тяжело дышал и ждал чего-то.

– Здравствуй, – спокойно произнес Станислав Сергеевич, – что-то случилось, Паша?

– Нет-нет, – ответил парень, судорожно подбирая слова и от этого быстро моргая. – Я вроде как не опоздал. Ну, по крайней мере, уж не опоздать... Или не опоздать...

– Что? – нахмурился Станислав Сергеевич. – Паша, из-за чего так нервничаешь?

– Спешил! – выпалил он.

– Понятно. А зачем спешил? Куда спешил?

– К вам.

Станислав Сергеевич взглянул на профессора Охрименко, тот пожав плечами, развернулся в кресле, чтобы видеть Пашу, почесал свой седой, лысеющий, ученый затылок и произнес:

– Паша, голубчик, ты на тестирование спешил?

– Да, верно. Тестирование!

– Паша, – равнодушно улыбнулся профессор, – во-первых, тестирование у нас в терапевтической. Во-вторых, это в моем отделении, а никак не в кабинете Станислава Сергеевича. Ну, а в-третьих, зачем ты спешил? Я весь день там принимаю, проснулся бы себе, покушал спокойно, позанимался своими делами и не спеша ко мне. Или дождался бы медсестру, она к тебе придет, и сама вызовет.

– Ладно, – растерянно ответил Паша.

Профессор Охрименко встал с кресла, подошел к парню и обнял его за плечи. По сравнению с громадным ученым, Паша казался маленьким подростком. Несчастный вздрогнул и съежился.

– Помнишь, о чем мы с тобой говорили? – улыбнулся профессор. – Никакой спешки. Не спеши... Никогда.

– Хорошо.

– Иди, голубчик, в коридор и подожди меня минут десять на стульчике. Я сейчас выйду. Расслабься, дружок, отдышись.

– Ладно.

Паша вышел из кабинета и уселся на стул. Профессор Охрименко рухнул обратно в кресло.

– Завтра можешь смело идти, куда считаешь нужным, – обратился он к Станиславу Сергеевичу, явно продолжив беседу, которую они вели до вторжения. – Я на конференции тебя прикрою, ну, а здесь... Ты можешь смело с месяц сюда не приходить... Нужно будет больше – значит, не приходи больше. Считай, заболел. Ложи Костю в больницу и сиди возле него. Понял?

– Спасибо, – кивнул главный врач.

– А лучше сейчас поезжай домой. Ты не очень хорошо выглядишь.

– Я не спал ночь.

– Это я понимаю. Потому и говорю.

– Дождусь Свету. Тут, говорят, ночью черт знает что происходило... С обеда поеду домой и сразу с Костей в больницу.

– Правильно, – одобрительно кивнул профессор Охрименко. – По поводу прошлой ночи, то санитар мне уже поведал о ночном приступе нашей Анечки.

– А Маргоша рассказывала тебе? – обеспокоенно спросил Станислав Сергеевич.

– Что рассказывала?

– Она дежурила на третьем этаже сегодня ночью. С ней странное происходило.

– Так, – махнул рукой Охрименко и скривился. – Давай не начинай! Мне хватило рассказа санитаря: балбес мне или с ужасом, или с восторгом рассказывал, как она о мертвой его собаке сказала. Я не хочу слушать и слышать все это! И про видения чьи-то и про предсказания! Тьфу!

Станислав Сергеевич невозмутимо улыбнулся.

– Что? – развел руками сердитый профессор Охрименко. – У тебя ребенок кричит каждую ночь от приступов эпилепсии и из-за этого ущемления! Ты да я, дорогой мой, уже полстраны подняли, чтобы решить, как его излечить! Вот этим и занимайся! Мистика тебя пугает! Так нечего вообще обращать внимания и туда смотреть!

– Ты прав, – смиренно кивнул главный врач.

– Знаешь, – продолжал профессор, – от этих вещей только хуже всегда! Внимание рассеивается! Смотришь и обращаешь внимание на то, что чудят наши пациенты? Еще чего себе придумал! В цирк сходи – насмотришься, как акробаты выкручивают себе руки, ноги и летают под потолком вверх-вниз, – Охрименко поднимал и опускал руки, стараясь набрать в свои ветхие легкие побольше воздуха для очередной реплики. – Умеешь сам так?! Как эти акробаты? Нет! Почему, а? Да потому что спины у них, у акробатов этих, более гибкие, чем у нас, да и конечности потренированной, моторика поразвитей нашей будет... Вот так и у пациентов наших – психика более гибкая, мысли более запутанные. И где-то может интуиция чуть ли не до ясновиденья зашкаливает, зато мочатся постель и из дерьма своего шарики крутят, а потом раскладывают их по степени округления, шарики эти!

– Ты прав, – уверенно повторил Станислав Сергеевич, подпирая голову и закрыв глаза. – Ты прав. Мне нечего даже еще сказать, настолько ты прав.

– Все, – окончил свой монолог профессор Охрименко. – Я пошел тестировать пациентов. Ты заканчивай дела и поезжай домой за Костей. Обязательно позвони Бергману, он очень хороший невролог. Я ему вчера про Костю рассказывал, он твоего звонка ждет. Со всеми договорено все. После работы я тоже заеду. Постараюсь пораньше освободиться.

– Хорошо. Спасибо огромное еще раз.

Профессор вышел из кабинета главного врача, Паша резко вскочил на ноги. На эмоциях, после разговора с главным врачом, у профессора набухла на лбу вена и Паша, увидев это, впал в замешательство, решив, что все это из-за него.

– Ну чего ты, – произнес Охрименко, положил руку ему на плечо и они вместе, медленным шагом, направились к нему в отделение.

Медсестра Светлана зашла в кабинет Станислава Сергеевича, он сразу с ней поделился своими плохими новостями. Его сыну Косте стало хуже. Транквилизаторы действовали через раз, он всю ночь кричал в приступах. Ближе к утру он лежал, смотрел на отца, улыбался и, широко раскрыв свои усталые, измученные, детские, голубые глаза, сказал: «Привет, папочка».

Сердце Станислава Сергеевича в этот момент его рассказа сжималось от горя, боли и страха. В глазах его маленького мальчика было самое обыкновенное детство. Он улыбался, казалось, как самый счастливый ребенок на свете. Но, спустя минуту, очередной приступ снова обрушился на него, вновь он не узнавал своего отца, а вместе с приступом – невыносимая боль. Бесконечный круговорот переживаний снова и снова рушился на Станислава и его жену.

Рассказывая это Светлане, он делился всем в подробностях, дабы увидеть сочувствие, получить поддержку; это дарило ложное ощущение, что все в порядке. В планах было сегодня же класть сына в больницу. Уже в седьмой раз, но теперь не только в отдельную палату, но и под присмотр лучших специалистов. Во время рассказа, у Светланы иногда на глазах выступали слезы, затем она утвердительно кивала и несколько раз хотела вскочить с кресла, подбежать к своему начальнику, крепко обнять его голову, говорить ему, что Костя непременно выздоровеет. Ее ноги уже напрягались с целью броситься к главному врачу, но она не делала этого, поскольку от этого ему стало бы только хуже.

Профессор Охрименко тоже неоднократно хотел вцепиться в своего коллегу и позволить ему излить душу до дна. Но, нет – именно профессиональное сочувствие, диктуемое спокойствием и выдержанной дистанцией, являлось конструктивным соболезнованием.

Светлана кивала и, смотря на невыносимо измученного главного врача, утверждала, что он на верном пути, так как консилиум неврологов и круглосуточное наблюдение – путь к выздоровлению сына. Глаза Станислава Сергеевича казались очень уставшими, кожа вокруг век стала ярко-розовой от бессонницы.

Затем разговор зашел о прошлой ночи, когда на третьем этаже дежурила Маргарита. Светлана рассказывала сумбурную историю про сон Маргариты, чуть ли не мистические собы-

тия, а также про укол санитара, который уложил бы спать слона, но на Анну подействовал не сразу.

– Ей поставили новый замок на дверь? – произнес Станислав Сергеевич.

– Нет еще, она пока что спит. После сна, когда она пойдет на тестирование, мы хотим без ее ведома заменить сердцевину замка.

– Думаешь, она где-то раздобыла ключ?

– Либо она раздобыла ключ, либо санитар забыл закрыть дверь снаружи. Но Маргарита сама лично проверяла закрыта ли ее дверь.

– Но Маргоше в ту ночь вообще черт знает что казалось. Может померещилось, что дверь закрыта?

– Не хочу думать, что она помешалась, – вздохнула Светлана. – Но поскольку она сама рассказывала, что ей отчетливо казалось, что Аня стоит возле ее стола... Жуткая история... а потом чудилось, что лифт туда-сюда ездил... Странно это как-то. Не знаю, не производила она впечатление чокнутой.

– Все может быть, – махнул рукой Станислав Сергеевич. – Я слышал, что Леонид полностью раздвоился?

– Да, – печально кивнула Света.

– Сколько мы над ним работали? Год? Полтора?

– Где-то так.

– И все к черту...

– Не совсем. Он снова взялся за свое, но тенденция уже другая. Йосиповна говорит, что можно будет достичь тех же результатов, главное не прекращать давать нейрорептихи.

– Ясно.

Мыслями Станислав Сергеевич уже был не здесь, он уже вез сына в больницу и перебирал в голове последовательности, с которыми он будет рассказывать докторам детали симптомов Кости, стараясь ничего не упустить. Света это заметила и не стала далее спутывать его мысли странностями Анны. Да в этом и не было необходимости. Она кивнула, попрощалась и пошла назад на третий этаж дожидаться, когда Анна, наконец, проснется.

Паша ответил на последний вопрос, поставил на листке бумаги окончательную галочку и отдал этот лист профессору Охрименко. Профессор скрепил листы скобой, уложил их в прозрачную папку с бумагами и, сложив руки перед собой, посмотрел на парня, который, озабоченно постукивая пальцами о стол, смотрел на доктора. Паша кивнул в сторону папки с бумагами и произнес:

– Так что? Вы не будете читать? Не будете читать мои ответы?..

– Буду, – улыбнулся профессор Охрименко. – Но чуть позже.

– Ладно, – огорченно ответил Паша. – Просто я думал, вы мне сразу скажете, что там правильно, а что неправильно.

– Это вопросы не на «правильно-неправильно», они скорее направлены на то, чтобы увидеть твои реакции и ход мыслей.

– Понятно, – напряженно произнес Паша и стукнул себя по затылку, – тогда все пропало!

– Что значит пропало?

– Я отвечал иначе. Не как вы говорите для «реакций и хода мыслей»! Ну, в смысле... Ну, в общем, вы решите, что я псих... Это теперь уж точно.

– Тсс! – скривился Охрименко. – Это еще что такое? Ничего я не решу и решать не собираюсь. Ответил так, как ответил. Уж уверен, что прошел тест ты точно лучше остальных.

Парень вздохнул и немного успокоился.

– Как у нас с головными болями? – строго произнес профессор.

– Не часто, но бывает.

– Головокружения?

- Реже.
- Со сном как дела обстоят? Часто просыпаешься?
- По утрам, после сна, мысли какие-то...
- Спутанные?
- Угу... А этой ночью я плохо спал... Дождь был, – с отвращением сказал Паша.
- Из-за дождя не спал?
- Дождь всегда плохо влияет, вы и сами знаете. Но сегодня еще просто Аня хотела о чем-то поговорить...

После этих слов у Паши на лице выступил небольшой румянец и в мыслях он стал путаться и смущаться. Очевидно было, что эта девушка пробуждала в нем чувства. Хотя все врачи и так это знали.

– Она хотела «поговорить о чем-то»? – нахмурился Охрименко, он терпеть не мог, когда между пациентами образовывались связи, ему приятнее было думать, что все они одного пола. Интрижки, эта их так называемая больничная любовь, что-то наподобие служебных романов, всегда лишь портили и затрудняли лечение. – Она приходила к тебе в комнату?

– Она приходила?

Парень смутился совсем. От одной мысли, что Анна ночью окажется у его кровати, по его коже пробежала приятная морозная дрожь и кровь сильнее прильнула к обеим щекам.

– Приходила? – справляясь с желанными мыслями, произнес Паша. – Нет. Она не приходила.

– Как же тогда?.. Она говорила с тобой через дверь?

– Нет, – нервно покачал головой Паша.

– А с чего ты тогда решил, что она хотела поговорить с тобой?

– Иногда, – ответил равнодушно Паша, ткнув пальцем себе в лоб, – она говорит здесь.

– В твоей голове?

– Да.

Профессор Охрименко внимательно впился глазами во взгляд парня.

– Значит, – ледяным тоном произнес он, – по результатам теста, как ты считаешь, я могу определить, что ты псих? А по вот таким вот, дружок, утверждениям я этого определить не могу? Какие еще голоса в голове? У тебя, голубчик, совсем другой диагноз был. У кого ты здесь этого уже нахватался?

– Черт! – схватился руками за голову Паша. – Что вы теперь будете делать?

– Прекрати, – скривился профессор. – К чему это? Ты не Макмерфи, а я не мисс Гнусен.

Паша смотрел на него и не понимал, о чем он. Охрименко почесал висок, и без того ясно было, что это парень не читал книг и не смотрел фильмов.

– Ты не в концлагере, – уточнил профессор, – не нужно хвататься за голову и кричать: «Что же сейчас будет?» Ладно... И что она говорит тебе в твоей голове?

– Аня?

– Ага.

– Просто говорит, что проснулась, – смущенно ответил Паша, – говорит, что на ней одето, спрашивает, что на мне одето... Ничего толкового, ничего существенного...

– Паш... – спокойно произнес профессор Охрименко. – Ты помнишь, как ты к нам попал?

– Да...

– После травмы головы, помнишь?

– Да.

– У тебя постоянно болела и кружилась голова, ты боялся звуков, раздражался всего на свете и часто плакал.

– Не напоминайте. Я помню.

– А помнишь ты кричал и ругался на медсестер, на врачей, на меня? Потом плакал и извинялся.

– Помню, помню, – мучительно закрыв глаза, прошептал парень.

– У тебя была травма, в итоге внутричерепная гематома, дела были плохи, Паша. Дела были очень плохи. Но после операции тебе стало лучше.

– Стало.

– Голова почти не болит, настроение не скачет так сильно. Много, конечно, ушло... Но и что-то еще осталось. Как я понимаю, ты ведь осознаешь все, что с тобой происходит? Память в порядке.

– Да.

– Это, – серьезным голосом сказал профессор Охрименко, подняв кверху указательный палец, – это очень важно! Чтобы ты осознавал, что слишком порой суетлив, чрезмерно эмоционален не совсем там, где нужно, что сознание немного спутано. Но в твоей голове все чисто и уж, поверь мне, все твои проблемы имеют остаточный характер.

– Ну, если что, я все осознаю.

– А это значит, что ты, парень, в намного, более лучшем положении, чем большинство других пациентов. Но никогда с момента как ты сюда попал, никогда, у тебя не было голосов в голове.

– Не было.

– Ну и что же тогда это ты мне такое рассказываешь, что Анна якобы беседует с тобой в твоём рассудке?

– Нет-нет, – обеспокоенно закивал головой Паша, – это не голоса в голове. Это другое. Это как бы...

Профессор спокойно смотрел на парня, давая ему возможность максимально точно описать свои ощущения.

– Ну, это она говорит... Не голоса, понимаете? То есть... Как бы это вам так объяснить... Это не я слышу, это она говорит.

– Значит, – вздохнул Охрименко, понимая, что ничего путного парень не скажет, – она рассказывает тебе в чем одета?

– Иногда и такое.

– И в чем же? Что она рассказывает?

– Она говорит мне... Ну, я не хочу вам об этом рассказывать.

– Хотя бы пример? Совсем уж подробности мне не нужны.

– Она рассказывала мне, что у нее есть голубое белье...

– Голубое белье?

– Да.

– Ясно. Может это просто твои фантазии?

– Нет! – вскрикнул чуть ли не в слезах Паша. – Мои фантазии тут ни при чем. С чего взяли, что у меня есть фантазии на этот счет?

– Ладно, Паша, – приподняв ладонь, произнес профессор, призывая жестом к спокойствию. – Я хочу тебе прописать дополнительно препарат один. Для сна. На всякий случай как говорится.

– Зачем? – испуганно воскликнул Паша.

– На всякий случай, – медленно по слогам повторил Охрименко. – У тебя быстрая утомляемость. Но это все чушь... Как по мне, ты просто не высыпался. Хороший сон, – улыбнулся профессор, – пойдет только на пользу.

– Ладно.

– Вот и отлично. Можешь идти обратно в палату. И помни: меньше суетись, не спеши никуда и не ищи поводов для переживаний.

– Хорошо.

Паша вышел из терапевтической, профессор поднял трубку телефона и позвонил Свете.

– Светочка, Анна наша еще не проснулась?

– Нет еще. Пока что спит. Санитар мне сообщит, как только она откроет дверь палаты.

– Хорошо. Сообщи ей, когда проснется, что я жду ее на тестировании.

– Хорошо.

– Светочка, – стараясь подобрать слова, произнес профессор Охрименко, – а вы часто осматриваете палату Анны?

– Почти каждый день. Постель меняю, прибираю, за волосами на расческе слежу.

– Это понятно. Ты мне скажи, у нее среди вещей есть белье синего цвета?

– Что?

– У нее есть синее белье? Или как его... Голубое?

– Эм... – запнулась медсестра.

– Хе-хе, не подумай ничего, – засмеялся профессор, – мне Паша наш, с постконтузионным, только что поведал, мол, Анна ему телепатическим способом сообщила, что на ней было голубое белье.

– Ясно, – произнесла Светлана, – телепатическим значит... Ну, в общем, у нее я видела один синий комплект. Когда она у нас только поселилась, привезла его с собой. Из дома. Это часть ее личных вещей.

– Не знаешь случайно, а каким образом Паша может знать это?

– Не знаю. А как насчет самого простого варианта? Может она ему просто об этом сказала? Или показала? Хотя... Мне показалось, что у них довольно сдержанное общение.

– Ясно. Ну, в общем, сообщаю тебе: Паша знает какого цвета белье у Анны. Может он конечно себе нафантазировал, но я что-то не сомневался, когда тебя спросил, что цвет совпадет. Хотя может он и угадал. В любом случае решение нашего Станислава Сергеевича о том, что нужно незначительно ослабить общение пациентов с Анной, я поддерживаю.

– Хорошо. Я вчера еще проинструктировала санитаров.

– Отлично.

Профессор Охрименко положил трубку и внезапно дверь в его кабинет распахнулась. Вернулся Паша и с обеспокоенностью и тревогой на лице сел опять на стул. Профессор, не скрывая удивления, так и замер, не убирая руку с телефонной трубки.

– Ну что? – произнес Паша.

Профессор поправил очки и уставился сердито на парня.

– Проверили тесты? – тихо спросил Паша.

– Паша, ты только что был здесь! Ты ушел, теперь вернулся. Какие тесты? Тебя не было минуту.

– Да, простите. Просто я... Думал, что вы уже...

В дверь кабинета тихо постучали и зашел Леонид. Спрятав в карман свой корпус от шариковой ручки, вежливо улыбнувшись, он робко наклонил голову и произнес:

– Добрый день, профессор.

– Добрый, – кивнул Охрименко, – Паша, тесты я еще не проверил. Результаты скажу не сегодня, даже не завтра.

Паша встал из-за стола и направился к выходу, Леонид прижался к дверному проему, пропуская его. При этом пожилой пациент настолько надменно на него взглянул, что парень помрачнел. Высокомерие Леонида не ускользнуло от глаз профессора, но он не подал виду, что ему это не нравится. Паша, столкнувшись с презрением Леонида, стал еще суетливее. С трясущимися руками, быстрыми шагами, споткнувшись, по крайней мере, дважды, парень покинул кабинет.

Леонид сел перед профессором и его лицо снова стало застенчиво-робким, а поведение и манера разговора едва не раболепной. Охрименко диву давался: диагноз молодого Паши был в разы легче, нежели у Леонида. Парень заработал свою навязчивую тревожность и постконтузию из-за травмы головы, перенес операцию и был на пути к излечению. Леонид же страдал более тяжелым недугом – его вялотекущая шизофрения, в отличие от болезни Паши, родилась у него внутри и активно развивалась в различных направлениях его сознания на протяжении долгих лет. И если для излечения Паши следовало применять отработанный психиатрами план действий, то для работы с Леонидом нужны были ухищрения, уловки и множество непроверенных методик, которые с большой вероятностью могли провалиться в один прекрасный день. И при всем при этом Леонид доминировал над Пашей, пользовался своим совершенно непонятным авторитетом, подавлял его. Паша преклонял голову и переживал, из-за чего и тормозил свое выздоровление. Законы, по которым строились связи между пациентами в этом, их собственном, маленьком обществе казались профессору Охрименко такими же нелепо жестокими, как и в обществе здоровых людей, живущих по ту сторону стен клиники. Основы этих законов строились не на очевидных достоинствах каждого человека, а на каких-то сомнительных качествах – наглости, горделивой, ничем не обоснованной безнравственности, желаниях главенствовать, пусть даже главенствовать на этих двух квадратных метрах больничного линолеума. И именно те, кто этими качествами был наделен сполна, те умудрялись иллюзорно подминать под себя других.

Глупым, безмерно глупым можно было считать такое подчинение, если бы как раз не добровольное склонение более слабодушных голов, которые и делают эту вымышленную власть реальной. «И вот даже сейчас, – думал профессор, – Леонид старается быть вежливым со мной и заглядывает мне в глаза, но лишь потому, что убежден – окончательная власть у меня в руках». Те, кто любят кого-то преклонять, заставляют и себя преклоняться. Профессор Охрименко словил себя на мысли, что зашел в думах слишком далеко. Про себя он улыбнулся, представив себе, как его самого определяют в палату за созданную им теорию современного общества, основанную на наблюдениях за сумасшедшими.

– Как у вас дела? – улыбнулся профессор.

– Превосходно! – уверенно и сдержанно ответил Леонид, деловито улыбнувшись.

– Ух, – задрал подбородок, произнес профессор, – вот это я понимаю уверенность и настрой!

– Да!

– Я с вами вот о чем хотел поговорить...

– О чем же?

– О ваших воспоминаниях.

– Ой, ой, – прищурился Леонид, ностальгически покачав головой и усмехнувшись, – не так богат был испанский король, как богато мое прошлое...

– Испанский король? – изумился профессор.

– Ну да, – небрежно махнул рукой Леонид, – высказывание такое...

– Ну, это я понял, – нахмурился профессор.

– Сравнение такое.

– Иллюстрация, – кивнул Охрименко.

– Верно.

– И все же, – сложив руки перед собой и перебирая пальцами, сказал профессор, – какой такой испанский король?

– В смысле?

– Какого короля вы имели в виду?

– Короля Испании. Да неважно. Это я так... – замешкался Леонид.

– Погодите, – заботливо улыбнулся профессор, – об этом отчасти я поговорить и хотел. Я вот серьезно пребываю в сомнениях, думал их как раз развеять в обществе такого специалиста как вы...

Леонид немного смутился, но внимательно слушал. Профессор продолжал:

– Испанский король. В раннем Средневековье. Кастильский король. Вот пишут в летописях, что он был мудр и умен, хитер и проворен. Но читаю и понимаю, что он вроде как откровенно глупо вступил в битву, объявив войну. Этим... Ну как их?.. Напомните, Леонид?

Леонид сидел молча, правая его рука застыла в невнятном жесте, а левая осталась лежать на колене. Он отупевшим, невыразительным лицом смотрел на профессора и молчал.

– Ну? – ожидая ответ, произнес профессор, слегка опустив очки, дабы лучше видеть своего собеседника.

– Ну... – медленно включался Леонид.

– Итак, – хлопнув ладонью по столу, сказал Охрименко, приподняв брови. – Историк вы ни-ка-кой.

– Минуточку!

– Да хоть целых десять! Вы не историк, Леонид. Мы с вами это уже один раз признали, но вы снова...

– Стоп, – скрутив свои руки и сжавшись от глубокой обиды, простонал Леонид, – я не утверждал, что я историк!

– Ну как же... Вы именно это и утверждаете уже несколько лет.

– Я физик вообще-то! – крикнул решительным тоном Леонид, после чего его выражение лица и взгляд изменились настолько, что казалось, будто перед профессором сидит совершенно иной человек.

– Замечательно, – вздохнул профессор, – это вы нам тоже рассказываете, в то время как не желаете быть историком.

– Хех, – ухмыльнулся лукаво Леонид, – ну уж нет. Тут вы меня не проведете! Здесь я вам отвечу на любой ваш вопрос! Только смотрите, как бы я не ответил слишком сложно, это порой мне свойственно... Как профессионалу, разумеется.

– Не буду томить вас. При падении тела с балкона его потенциальная энергия превращается в... Какую?

– Ну, – задумался Леонид, – электромагнетизм, знаете, предполагает... Хочу сказать лишь, что в интегральных кривых конечно... Здесь, по крайней мере... Ладно, уж, не буду тянуть кота за хвост... Три! Три целочисленных решения!

– Какие решения Леонид? Какой еще электромагнетизм?

– Что вы хотите?

– Чтобы вы вспомнили, как усиленно мы с вами работали! Как я с вами трудился!

– Да помню я все.

– Помните! Конечно помните! Но при удобном случае предпочитаете забывать. Не физик вы и не историк. Я загрузил вашу палату, Леонид, самыми интересными книгами по истории, помните?

– Помню.

– И что было?

– Я не смог читать. Мне было неинтересно.

– Да. А почему я загрузил вам в палату все эти книги?

– Не знаю! – мучительно взвыл Леонид, обхватив руками свою голову.

– Чтобы вы стали тем, кем себя воображаете! И ничего не вышло. А книги и учебники по физике вы помните? Помните, как вы плакать стали, увидев все эти формулы?!

– Да!

– Зачем же тогда вы продолжаете? Зачем, если помните?

Леонид тяжело дышал, вздыхал и молчал.

– Я не хочу выписывать вам нейролептики, – произнес профессор. – Я не хочу приглушать вас препаратами. Вы просто должны, вы обязаны помнить, как мы с вами работали. И тогда основой для вас станет реальный мир, где вы не иллюзия, Леонид, а реальный человек. Договорились?

– Да.ш

– Что у вас в кармане?

Леонид судорожно вцепился в карман:

– Сигарета!

Он кричал так, словно ставил ставки в казино. Именно с таким отчаянным криком люди, собравшиеся около рулетки, кричат: "Красное!" или "Черное! Ах, нет, красное! Красное!"

– Что у вас в кармане? – медленно повторил профессор.

– Шариковая ручка.

– Хорошо.

На несколько секунд в кабинете наступила тишина. Снаружи, за окном, на козырьке сидел голубь. Приподняв свои крылья, он замер, просушивая перья в солнечных лучах. Леонид и профессор смотрели на голубя. Каждый думал о своем.

– Сегодня ночью был дождь, – произнес Охрименко.

– Да, был.

– Как спали?

– Хорошо.

– Что-то необычное происходило?

– Например? – задумался Леонид.

– Например, Анна заходила ночью в вашу палату?

– Да, было такое.

– И что? Зачем заходила?

– Она разбудила меня и рассказывала о том, как древний философ обманул императора. Очень интересно было, хотя... – печально вздохнул Леонид. – Она мне это рассказывала, как историку.

Леонид, казалось, наконец-то пришел в себя и стал самим собой. В эти моменты, когда мужчина осознавал и признавал, что не был ни историком, ни физиком, он становился единой личностью, лицо его казалось посветлевшим, а здоровый румянец на его пожилых щеках придавали коже и характеру заметные оттенки жизни. Охрименко радовался таким моментам, так как именно ему однажды впервые удалось собрать все части рассудка Леонида в целое.

– Она просто пришла и начала рассказывать о философе и императоре?

– Ну не только об этом она говорила... Философ его обманул, а затем предложил рабам с башни разбрызгивать воду, тушить огонь в городе...

– И что?

– Ну, я поблагодарил ее за рассказ, и она ушла.

– Не могу понять, – нахмурился профессор, – почему вы ее просто не прогнали? Она ведь вас разбудила, прогнать было бы нормальным. Да и чем для вас ее рассказ мог оказаться полезен?

– Я не мог уснуть потом. В моей комнате громко начали спорить Федор, который физик, с Левтаном, который историк. Ведь разбрызгивать воду тогда не могли, насос-то еще не был изобретен, верно?

Охрименко уже слышал от коллег, что Анна не раз провоцировала Леонида на внутренние его споры с самим собой, не раз уже будоражила в нем внутренние конфликты. Теперь профессор окончательно понимал, что она специально подливает масло в огонь его заболевания.

– Да и как же я могу ее прогнать, – развел руками Леонид, – это ведь Анна.

– И что?

– Она очень... Хорошая...

– Вы хотели сказать хорошенькая?

– Нет, господа, вы что! Она в дочери мне годится, я хотел сказать хорошая.

– Вы так считаете?

– Конечно! Она очень мудрая и не по годам образованная!

– Ладно, пусть так и будет. Но то, что я вам говорил по поводу острой необходимости помнить все наши с вами достижения, вы запомнили?

Голубь, который сидел за окном встрепенулся, поправил крылья и взлетел, направившись в сад клиники. И снова оба мужчины смотрели в окно, продолжая размышлять. Но на этот раз в полном согласии друг с другом.

– Помните о том, что вы – Леонид. Не Федор-историк, не Левтан-физик. Не допускайте внутренних споров и разногласий. Игнорируйте навязчивые мысли, ловите себя на том, что вы не можете знать то, о чем думаете или говорите. Как-то вы рассказывали мне, Леонид, что заняты исследованиями в области... Напомните, в области чего?

– Был занят... В области систематематики.

– Ну вот, – улыбнулся профессор. – Уверю вас, что и науки-то такой не существует. Ваш разум сам ее придумал, соединив слово «система» и, полагаю, слово «математика».

– Да уж, – стыдливо прикрыв лицо, взялся за голову Леонид.

– Ничего страшного, – махнул рукой профессор, – главное, чтобы вы осознавали, как все происходит на самом деле.

На столе у профессора зазвонил телефон. Он снял трубку.

– Профессор, – послышался в трубке голос медсестры Светланы, – проснулась Анна. Она собралась и направилась к вам.

– Хорошо, работайте, – ответил Охрименко, подразумевая, что, когда Анны в палате не будет, санитарам необходимо зайти к ней и сменить в двери замок.

– Хорошо, – поняв намек, ответила Светлана. – Я помню.

– Ну что ж, – произнес Охрименко Леониду, положив трубку, – на сегодня все. Мы с вами друг друга поняли. Я очень-очень рассчитываю на ваше благоразумие.

– Спасибо большое, – вздохнул Леонид, ощущая облегченность, словно из безнадежно зияющей раны души вытащили острый камень. – Спасибо. Вы мне помогли, спасибо. Потерялся я немного...

– Здравствуйтесь, – послышался тихий девичий голос в дверях.

– Анна! Привет! – улыбнулся Леонид.

– Здравствуйтесь, – повторила девушка, смиренно наклонив голову и хлопнув ресницами.

– Проходите, Аня, – сказал профессор. – Ну а вы, дорогой мой Леонид, на сегодня свободны.

– Еще раз спасибо!

Леонид крепко пожал профессору руку и вышел из кабинета.

В кресло села Аня. Профессор Охрименко смотрел на ее милое, юное лицо, светлые глаза и стеснительный взгляд. Самый тяжелый его пациент сидел сейчас перед ним. Он достал несколько листков с распечатанными вопросами и протянул их Анне.

– Это мне?

– Вам, Анна. Немного тестов. Возьмите ручку, вон там лежит с краю на столе... Уделите минут пять этим вопросам, а я пока займусь своими делами. После теста мы с вами немного побеседуем.

* * *

Станислав Сергеевич собрал некоторые бумаги, позвонил доктору Бергману по поводу своего сына Кости, затем позвонил жене. Неврологи детской больницы, в которую Костю собирались класть, были в сборе, дома жена уже собрала множество вещей маленького мальчика. Сам Бергман был уже в пути, на этого опытейшего врача Станислав Сергеевич возлагал огромные надежды.

Намечающийся консилиум, собранная команда специалистов, каждый из которых был в курсе заболевания Кости, новая, приготовленная палата, концепции обследования – все это основательно укрепляло веру Станислава Сергеевича и его жены в победу. В замечательном настроении, нервном экстазе с неприкрытой, хотя еще и безосновательной, радостью, он удаляется из психиатрической больницы на несколько дней, а, может, и недель.

Сейчас Костя спит, жена Станислава терпеливо ждет мужа дома, собирая также и свои вещи, понимая, что какое-то время она будет тоже жить в палате, рядом возле своего ребенка. Она будет рядом до тех пор, пока ей не перестанет становиться страшно. В районе шести часов вечера к консилиуму должен присоединиться и профессор Охрименко. Хотя он и Станислав Сергеевич – не неврологи, а профессиональные психиатры, тем не менее оба там будут присутствовать: один ведь, как никак, отец Кости, второй – друг семьи и человек, который больше всех участвовал в процессе.

Двери кабинета главного врача Станислава Сергеевича закрываются на ключ, он покидает больницу, следом за ним ее покинет профессор Охрименко, но, лишь когда завершит тестирование пациентов. Медсестра Светлана также надеется на лучшее. Многие боятся и переживают, искренне желая снова видеть главного врача счастливым, как однажды, когда он узнал, что у него родился сын – по-настоящему счастливым, умиротворенным.

* * *

Анна завершила тест, передала профессору Охрименко листок с расставленными ответами. Он приколот его к остальным.

– Подковырчатые вопросы, – ухмыльнулась Анна.

– Подковырчатые? – поправил очки профессор. – Это как?

– С подвохами.

– Полагаете? – задумчиво сдвинул брови Охрименко. – Только эти такие? Или предыдущие тоже были?

– Только эти. Предыдущие обычные.

Профессор сложил перед собой руки, вновь поправил очки, посмотрел на Анну. Под густыми, светло рыжеватыми, по большей мере седыми, бровями, в диоптриях его линз скрывалась пара молодых, серых глаз. Взгляд его острый, отчасти суровый, всегда был очень пронизателен и свеж. Не по себе часто было от этого его взгляда и больным, и здоровым – этакий «взор психиатра», от которого хочется скрыться, который, казалось, видит в тебе лишь стержень патологии, исключительные вариации отклонений от норм. Взгляд, будоражащий точностью, ищущий истину в уголках самого бесценного сокровища – человеческого «я».

Перед ним побывали сотни притупленных, измученных, изувеченных раздражением взглядов. Но эта пара светлых девичьих глаз скрывала то ли ложную, то ли неприступную и объективную тайну. Анна, как и все, смутилась от неловкости, возникшей перед этим жестким взором, сверлящим до самого ядра личности. Но профессор Охрименко видел, что, вероятнее всего, она изображала неловкость. Порой она сама заглядывала в глубину его профессорских глаз, искала там что-то, вовсе позабыв о смущении. Скорее, с любопытством.

– Как вы себя чувствуете? – произнес он сухо, но дружелюбно.

– Отлично.

– Как спали сегодня?

– Эх, – засмеялась Анна, махнув рукой, словно они с профессором старые друзья. – Знаете ведь, что ночью мне плохо было... И такое спрашиваете.

– Анечка, – улыбнулся он строго, – ну у нас же тут не светская беседа. Я вас спрашиваю, а вы так весело смеетесь. Давайте немного серьезнее. Расскажите про эту ночь. Что помните?

В глазах пациентки на мгновение блеснул огонек, губы ее сжались в неприязненной улыбке. Она, очевидно, была обижена. Профессор понимал, что поставить ее на место пациентки, означало унижить ее.

– Вечером я легла спать, когда пошел дождь... – начала она.

Профессор внимательно вслушивался, сосредоточенно наблюдая за ее жестами и мимикой, стараясь распознать обман. Он за последний год привык, что для Анны иногда важно то, как она выглядит в беседе. Она хотела, чтобы, например, ее руки выглядели красиво, жесты были поставлены утонченно, чтобы всем своим изяществом ей удалось явить собеседнику свою породистость, невиданное благородство. Профессор знал, что у девушки нет этих качеств на самом деле.

– Затем, – продолжала она, – я слышала во сне, как дождь усилился. Мне начали сниться плохие сны... Я замечала и ранее такое. Вы, полагаю, и сами помните, что на изменения погоды у меня индивидуальные реакции...

– Продолжайте, – кивнул Охрименко. – Что было далее? Вам снились сны, а потом?

Снова Анна оскорбилась. И теперь из-за того, что профессор не дал ей посмаковать собственные рассуждения, оборвал нить размышлений, не вышло поговорить о тонкостях ее личности и индивидуальности ее реакций.

– Потом я проснулась в коридоре, надо мной стояли два парня... Санитары ваши. И девушка, дежурная медсестра...

– Хорошо. А до этого? Как вы там оказались, в коридоре? Вы были в палате у Леонида. Это помните?

– Я была в палате у Леонида?! – шокировано воскликнула Анна, быстро заморгав и прикрыв рукой ухо, словно боясь слушать эту постыдную правду.

– Значит, не помните? – подозрительно прищурился профессор.

– О нет! – испуганно и артистично закачала головой Анна. – Что я там делала?! Неужели?.. О не-е-ет...

– Что?

– Что-то сексуального характера?

– С Леонидом? У вас? – засмеялся профессор. – Ну что вы, дорогуша, я полагаю, вам нужен кто-то моложе.

– Ну, слава богу, – закусив губу, вздохнула Анна.

– Да ладно вам, – махнул рукой Охрименко и откинулся на спинку кресла.

– Что? – удивилась Анна.

– Все вы помните, – улыбнулся он. – Ну, может, не все, но больше, чем мне тут вещаете. Анна, вы и раньше всегда, как оказывалось, вспоминали детали всех ваших... этих... ночных приключений. И сейчас помните, – профессор скривился и развел руками. – Время тянете? Куда? Зачем?

– В смысле? – серьезным голосом произнесла Анна, взглянув на доктора из-под лба.

Лицо ее менялось, словно отдельные черты перестраивались. Преобразовывалась форма глаз и уголки губ. Лицо становилось немного белее обычного. И даже такого опытного ученого, как Охрименко, это немного пугало.

– Ладно, – махнул рукой профессор, – продолжим. Вы говорили, что вам снилось что-то неприятное?

Анна молча кивнула, взгляд ее был недоверчив, обида плавно перетекла в раздражительность. Как правило, в таком состоянии, пациенты зачастую перестают контролировать свои эмоции, но взгляд Анны, наоборот, был полностью сконцентрирован и прикован к профессору.

– Что именно вам снилось? – спросил доктор, наблюдая за лицом Анны, которое уже значительно переменилось с того момента, как она вошла в этот кабинет. Он не стремился провоцировать ее, но нарочно подыгрывал злобе, дабы следить за спектром ее реакций.

– Что мне снилось? – спокойно произнесла она. – Скажу честно... Не стану я об этом рассказывать. Он говорил, чтобы я не смела про это трепаться, я и не посмею.

– Кто «он»?

Анна подняла голову и улыбнулась, лицо ее вновь стало загадочным и посветлевшим.

– Я не стану говорить вам, – улыбнулась она.

– Понятно, – кивнул спокойно профессор. – Интересно другое. Когда ты у нас только появилась, ты была в худшем состоянии... В намного худшем, помнишь? А теперь? Приступы стали гораздо реже, твое сознание в большинстве случаев не такое спутанное... Тебя это разве не радует?

– Хм... А с чего вы взяли, что мне лучше?

– Ну как это! Были симптомы, теперь их меньше, – непонимающе ответил Охрименко. – Это происходит при всех заболеваниях. Если у тебя был сильный кашель, а после сиропа дыхание стало чистым, то считается, что тебе лучше.

– Понятно, – кивнула Анна.

– Но на пути к окончательному выздоровлению, на пути к полному восстановлению, зачастую появляются какие-то абсурдные препятствия: пациенту лучше, но ему становится лень лечиться далее. Он просто самовольно соскакивает с лечения. Тем самым отдается в руки рискам осложнений. Но, Анна... Курс лечения всегда должен быть пройден до конца. Как и с кашлем, микстуру нужно пить до упора даже, если стало лучше. Как и с бактериями – прием антибиотиков ведь никто никогда не прерывает. И наше с тобой общение, наша терапия – все это нужно продолжать.

– Логично, – кивнула одобрительно Анна, хлопнув в ладоши. – Правда, профессор, логично и очень убедительно!

– Ну вот и отлично. Я, если честно, предлагаю проводить все наши беседы в дружеском формате. Иначе, как мне кажется, и быть не может. Это комфортно, удобно, да и правильно. Так что? Давайте общаться, Анна?

– Давайте.

– Вернемся к сновидениям. Расскажи мне о них. Что тревожило?

– Нет.

Профессор вздохнул.

– Времена электрошоковых терапий и хирургических вмешательств в ткани мозга прошли... – произнес он огорченно.

– А вы хотели бы, чтобы эти времена вернулись? – засмеялась Анна.

– Упаси Господь, нет, конечно! – улыбнулся профессор. – Если бы эти времена вернулись, я ни за что не работал бы в психиатрии. Я пользуюсь только теми методами, которые полезны для здоровья, но прежде всего гуманны. Лишь такое лечение может помочь.

– Похвально, – усмехнулась Анна, – но у меня с собой нет диктофона, вы распинаетесь зря, я вовсе не обвиняю вас в варварских методах.

– Просто я очень не желаю прописывать тебе более сильные средства... Мне советуют коллеги, но я хочу обойти способы, которые...

– От тех таблеток я не могу рисовать.

– Именно, – Охрименко приподнял указательный палец. – А рисуешь ты очень неплохо! Да что уж там, очень хорошо! Но, заметь, эта способность к творчеству вернулась к тебе именно здесь, в клинике.

Анна сочувственно улыбнулась, то ли сочувствовала себе несчастной, то ли профессору, который зря, как она уже сказала, распинался.

– Меня беспокоят твои приступы. Такие, например, как прошлой ночью.

– Ладно, все! – махнула рукой Анна, зрачки ее заметно сузились, и без того светлые глаза стали чуть ли не прозрачными. – Вам надо что, товарищ доктор? Хотите знать мои сны?! Сами-то свои помните? Нет? Чего так? Ах, ну да, большинство снов мы забываем, когда просыпаемся!

Анна равнодушно бросила взгляд на профессора и на лице ее начала прорисовываться надменность. Не успел Охрименко что-то сказать, как Анна, приподняв руку, прервала его на полуслове и произнесла:

– Мне снилось, профессор, как я ходила по даче, день был такой солнечный... Затем я зачем-то полезла на крышу... Поставила стремянку и полезла. Дом невысокий, но по лестнице пришлось подниматься очень-очень долго. Ну, вы сами знаете, профессор, в сновидениях такое бывает, когда не сходятся габариты. Ну, в общем, я поднимаюсь, поднимаюсь... Десятая ступенька, двадцатая, крыша уже близко, рукой можно дотянуться... И тут хрусть! Ступенька, трещит под ногой, и я лечу вниз. Хватаюсь руками за воздух, за пустоту, но понимаю, что конец мне. Долго так лечу, крыша от меня отдаляется все дальше и дальше, прищуриваюсь так крепко в ожидании сокрушительной боли, кусаю губы. Осознаю, что вот-вот спиной о землю ударюсь, вот-вот столкнусь... И просыпаюсь.

Охрименко не дышал, бледный он сидел и смотрел в стол, часто моргая. Ощущение сильнейшего дежавю било пульсом в его висках. Уста Анны полностью озвучили его собственный сон этой ночью, который он внезапно вспомнил. Ему действительно это снилось. «Черт возьми, – думал он, – мне и вправду это снилось! Дача, солнце, стремянка, крыша, хруст под ногой, ловлю воздух, падаю, лечу!» Он изумленно глядел на Анну, в голове у него выстреливали десятки мыслей и попыток понять, как она проделала такой трюк.

– Что это вы так побледнели? – произнесла пациентка, властно подняв голову и медленно поднимаясь с кресла. – Вы спросили, что мне снилось, я вам вроде как ответила. А на вас теперь прямо лица нет, неужто вам снилось то же самое? Хе-хе, – стоя перед профессором, Анна загадочно ухмылялась. – Говорят, профессор, если сны совпадают, то это любовь. Я бы рада, профессор, влюбиться в вас, но вы сами сказали, что мне нужен кто-то моложе.

Облокотившись на стол руками, она стояла перед Охрименко, словно грозовая туча, нависшая над цветочным полем. Несмотря на первоначальную уверенность в своем врачебном доминировании, сейчас он чувствовал себя маленьким и беспомощным, а его пациентка, словно гигантская скала, упираясь в самое небо, мрачной своей тенью давила на него. Он ощущал, что тонет в ее плотной тени. Ему было что сказать, он мог с легкостью откинуться на спинку кресла и промолвить что-то о ее развитой интуиции и умении внушать свои соображения, о необходимости принимать какие-то препараты; мог быстро вернуть ее назад, в статус страдающей недугом, тяжелой пациентки с острой формой шизофрении.

Но он не мог сказать ни слова – они мешались прямо на языке. Все его умозаключения и решения становились липким, в ее металлическом взгляде мысли его спутывались воедино, в бессмысленный несуразный комок.

– У вас еще есть вопросы ко мне, профессор? – гневно прошептала Анна, наслаждаясь растерянностью Охрименко. – Еще может рассказать, какое белье на мне одето? Голубенькое, знаете ли.

– Понятно, – тихо ответил профессор, тупя взор на своей папке с бумагами.

– Простите, слышно плохо.

– Думаю, вопросов нет...

– Хорошо, – кивнула Анна и села назад в кресло.

В кабинете, на несколько секунд, застыла абсолютная тишина. Казалось, даже молекулы в воздухе остановились.

– Я хотел бы, – сказал профессор Охрименко, – чтобы ты по ночам не навещала других пациентов.

– Ну конечно, – вздохнула Анна, взгляд ее вновь наполнился наивностью, ресницы снова застенчиво захлопали над ее глазами. – К сожалению, профессор, я не помню, как делаю это... Эх... Было бы это в моих силах, вообще никогда не выходила бы из палаты, дабы не беспокоить персонал своими выходками.

Профессор с удивлением следил за тем, как ее поведение кардинально меняется на глазах: прорезается кротость, а гневность прячется назад внутрь. Мрачная, нерушимая скала уменьшается, а вместе с тем, с Охрименко сходит ее тяжелая тень, он вновь чувствует себя доктором, который беседует со своей пациенткой.

– Паша, – произнес профессор Охрименко. – Паша, тот самый, который находится в палате возле твоей палаты... Он утверждает, что ты с ним общаешься... Общаешься в мыслях или что-то типа того...

– В мыслях? – смутилась Анна.

– Что скажешь?

– Бедный Паша, – вздохнула Аня. – Он, бедняжка, порой днем со мной говорит, но забывает об этом, лишь потом, ночью ему кажется, что я говорю с ним сейчас. И, вообще, – покачивая головой, сочувственно и печально произнесла она, – у него иногда один час протекает за один день, а порой пять часов кажутся двадцатью минутами. Несчастный парень.

– Это да, – с подозрением сказал профессор, оправившись от непонятного ощущения. Он продолжал наблюдать за пациенткой, которая сидела перед ним и вела себя симметрично наоборот, нежели пять минут назад. – У Паши есть нарушение восприятия времени. Тем не менее, Анна, я хотел бы...

– Нарушение восприятия времени, – повторила Анна, во взгляде ее вновь блеснули искорки, улыбка застыла на ее лице.

– А что тебя смутило? – поправил очки профессор.

Анна не ответила. Ее улыбающееся лицо полностью замерло, широкая улыбка так и застыла. Профессор насторожился.

– Анна, – произнес он. – Анна, ты тут?

Девушка не шевелилась, казалось, даже волосинки на ее голове были неподвластны дуновению кабинетного сквозняка. Слегка повернута голова, взгляд теперь кажется каким-то безжизненным и все так же устремленным на профессора. Одно плечо немного опущено, другое – немного приподнято. Охрименко словно видел перед собой улыбающуюся восковую куклу, ему самому уже с трудом верилось, что только что перед ним сидела живая девушка.

– Анна! – крикнул он еще раз громче.

Профессору начинало становиться страшно. Он решил было встать из-за стола и позвать ассистентку, как Анна тотчас ожила.

– Нарушение восприятия времени, – повторила она как ни в чем не бывало.

– Что это было, Анна? – облегченно вздохнул профессор.

– Простите?

– Ты замерла... Что это было?

– Я замерла? – улыбнулась Анна. – Профессор, при всем уважении...

– Ясно. Только не нужно сейчас вот это... – Охрименко махнул рукой и скривился.

– При всем уважении, – повторила Анна, – осознавая свой статус пациентки с серьезным диагнозом и ваш статус лечащего доктора с серьезным дипломом... Но я за вас начинаю бес-

покоиться... Я замерла? Может, это для вас все вокруг замерло... Время, может, например, замерло. Вы же там что-то говорили о нарушении восприятия времени?

– Прекращай! – хлопнув ладонью по столу, строго произнес доктор.

– Ну а что, – Анна развела руками. – Я даже где-то читала, что врачи, когда долго общаются с пациентами, сами периодически начинают...

– Прекращай, говорю тебе.

– Да я ж ничего... – пожала плечами Анна. – А вот по поводу нарушения времени...

– Гос-с-споди... – вздохнул Охрименко.

– Ну что? – обиженно произнесла Анна, выпятив нижнюю губу. – Мы как раз недавно с Леонидом обсуждали... Он мне о времени рассказывал. Наше восприятие времени ведь основано лишь на череде событий, следующих друг за дружкой.

Доктор смотрел на Анну и старался, не слушая ее, следить за ее поведением.

– Выходит, – кивала она любознательно, – что, по сути, время – это ряд промежуточков между причиной и... тем, что после причины... Как его? Слово там еще такое заумное... ах да, следствием. Причиной и следствием... Следствие всегда идет после причины... Верно?

Профессор сидел и молчал, стараясь скрыть свое пребывание в напряжении.

– Не хотите вы со мной беседовать, ну и ладно, – обидчиво, сложив на груди руки, пробурчала Анна настолько по-детски, что профессор невольно расслабился.

Но снова наступила очередная тишина. Профессор смотрел на Анну, а она с ребяческой любознательностью рассматривала все вокруг себя.

Тишина... Неловкая тишина. Переваливает уже за секунд десять и превращается в глупую тишину. Внутри профессора появляется какая-то дрожь и внезапно сокрушается звон. Громкий, на весь кабинет, настолько неожиданный, что Охрименко вздрагивает. Теперь он нервно смотрит по сторонам, а Анна, улыбаясь, глядит на него. Источником звона оказывается чашка. Большая, зеленая чашка, стоявшая на столе профессора возле стопки бумаг. Она внезапно соскользнула со стола и упала, чуть не разбившись. Так магически она рухнула, словно ее кто-то толкнул. Он уставился со страхом на Анну, понимая, что она ведь ничего не делала, чашка упала сама. Но Анна, усмехаясь, испытывающим взглядом, смотрела на профессора, словно причина все же была в ней. Она усиленно изучала его растерянность.

– Есть немного, – произнесла она с непринужденной легкостью, словно ничего другого она и не могла сказать.

– Что? – скривился профессор, пытаясь унять дрожь рук.

Дверь в его кабинет открылась, он увидел ассистентку, она вошла, и доктор с облегчением вздохнул, словно был рад тому, что есть еще вокруг люди кроме этой пациентки.

Ассистентка, провинциальная рыжеволосая девушка, с яркой цветастой заколкой в кучерявых волосах, сначала робко взглянула на Анну, а затем на профессора.

– Здравствуйте, – сказала она Анне, затем обратилась к доктору, – прошу прощения, что прерываю...

– Ничего, – кивнул Охрименко.

– Попросят из кадров распечатать заявление. Мол, у них принтер не работает.

– И? – кивнул профессор, ощущая уже приходящее спокойствие.

– У нас-то принтер работает, – лепетала ассистентка, – но бумаги нет. У вас найдется пара листиков?

– Да, конечно, – ответил Охрименко, наклонился над стопкой бумаг и достал дару чистых листов, – есть немного.

Он протянул ассистентке листы и чуть не рухнул. «Есть немного» – он сказал эту фразу! Анна произнесла это «есть немного» десять секунд назад! Откуда она знала? Он посмотрел на нее.

– Все в порядке? – произнесла ассистентка, взяв листы в руку и посмотрев на бледное лицо профессора.

– Да... – ответил он, стараясь дышать глубоко и медленно. – Да, Юль, все в порядке.

Анна улыбалась и с любопытством наблюдала за Охрименко. Ассистентка вышла, закрыв за собой дверь.

– Видите, – снова изображая наивного ребенка, прошептала Анна. – причина и следствие.

– Что? – бледный доктор старался понять ее.

– Вы ведь чашку опрокинули, когда листочки искали для вашей секретарши? Странно, что чашка упала раньше, правда? Сначала следствие, а потом причина. Очень любопытно, профессор!

– Иди, Анна, – произнес доктор, наклонился, поднял чашку и поставил ее обратно на стол.

Анна не сдвинулась с места, все так же продолжала сидеть и с улыбкой смотреть на профессора. Нельзя было сказать, что в улыбке этой присутствовал злой умысел. Это не наглая ухмылка, как могло показаться, это вовсе не насмешка. Охрименко понимал – это было умиление. С подобными улыбками взрослые люди наблюдают, как их дети пытаются сделать что-то серьезное; взрослые точно так умиляются, когда их детишки стараются говорить о каких-то важных вещах. Но он авторитетный доктор, а она больная пациентка.

– Анна, ты можешь идти, – повторил профессор.

– Ладно, – медленно и осторожно ответила она, – прошу, конечно, прощения... Но чашку вы поднимать будете?

Профессор нервно повернул голову и из его груди невольно вырвался тихий, короткий крик. Чашка по-прежнему лежала на полу, хотя доктор четко помнит, как несколько секунд назад он поднимал ее и ставил на место!

– Что?.. Как это?.. – тихо произнес Охрименко, несколько раз сжимая ладонь в кулак и разжимая ее, все еще ощущая на ладони холодок от чашки, которую несколько мгновений назад он поднимал... Или не поднимал?..

– Что-то случилось? – холодным и наигранно обеспокоенным голосом произнесла Анна. – Доктор, с вами все в порядке?

– Как? Я... – он продолжал смотреть то на чашку, то на Анну и шепотом произносить несдерживаемые вопросы, ощущая, что либо сходит с ума, либо не контролирует собственное сознание, что собственно суть одного и того же.

– Доктор? Все в порядке? – повторяла Анна с нескрываемым артистизмом.

Профессор откинулся на спинку кресла, расслабился и закрыл глаза. Сердце сильно билось в груди, руки немного немели. Он сделал глубокий вдох, затем быстрый выдох. «Не хватает только словить инфаркт, – подумал он, – гнать к черту мысли обо всем этом. Мне не нужен сейчас сердечный приступ». Собравшись с духом, он спокойно ответил:

– Да-да... Все хорошо.

– Точно?

– Да.

Он открыл глаза. Перед ним сидела Анна и продолжала улыбаться, разыгрывая тревожность. Чашка стояла на столе, значит, он все-таки поднимал ее. Охрименко окончательно перестал понимать, что происходит, но начинало проходить ощущение вторжения, словно кто-то влез в его рассудок и все там напрочь перепутал. Позволить нервничать и думать о своем сумасшествии он не мог.

– В общем, повторюсь, вы можете идти, Анна.

– Куда?

– В палату к себе идти, – кивнул он. – Тестирование ты прошла, побеседовать мы побеседовали... Иди, у меня много дел, на днях непременно продолжим.

– Ладно, – растерянно ответила девушка и направилась к двери, – ох уж это нарушение восприятия времени.

Анна вышла. Профессор Охрименко подошел к окну и достал сигарету. Как он говорил два часа назад своему коллеге и другу, главврачу Станиславу Сергеевичу, у пациентов психика более гибкая и где-то интуиция зашкаливает. Убежден был профессор Охрименко, что он прав, но разве мог он сам сейчас поверить в свои слова? Он прикурил от зажигалки, снял очки и, крепко прижавшись губами к сигаретному фильтру, закурил. Впервые за последние пятнадцать лет.

Глава 4

На пятом этаже, где в особой пристройке коридора размещалась терапевтическая профессора Охрименко, около окна, в самом конце коридора, мерцали тени. Это были пациенты – некоторые после сильных обострений, но все еще уверенные в своем чистом и прозрачно-здоровом рассудке, ругающиеся, что здоровы; некоторые, наоборот, относительно здоровы, но страдают от навязчивых ипохондрий¹, доказывая всем врачам, что их состояние безнадежно. А некоторые просто передвигаются, мерцают в пространстве, сами не зная, что они сейчас здесь, а не где-либо еще. Последние вызывают неподдельную жалость даже у самых искушенных докторов. Их растерянные взгляды, бессмысленное блуждание коридорами, всегда завершалось улыбками, которые они даром раздают всем, кого встретят на своем пути. Эти улыбки их заставило заучить наизусть общество, еще в те времена, когда они были здоровы. Да, до сочувственной боли в сердце пробирало, но не от их недугов. Скорее, от того здорового, что в них оставалось. От их проявлений тревожной человечности, от тех уцелевших фрагментов, которые все еще не утонули, в покрытом мглой море их спутанных мыслей. В их глазах можно было наблюдать трогательные и болезненные блики, словно все еще не погасшие фонари их разума, искорки, пропадающие в тумане их сознания, потерпевшего однажды крушение.

Они ходят так, словно сама жизнь их вытеснила из списка существ, достойных называться людьми. Опускают головы, упираясь подбородками в грудь, руки держат ровно, иногда бездумно теребят пальцами карманы. Их взгляды блуждают и не задерживаются ни на чем, идут куда-то, доходят до одной стены, разворачиваются и идут обратно. Никакого осмысления всего происходящего, никакого любопытства, ни гнева, ни слова, ни звука. Но вот, у медсестры выпадает из рук мобильный телефон и один из этих «списанных» людей сбивается со своей бесполезной траектории, направляется к медсестре, присаживается, игнорирует потемнение в своих глазах, поднимает телефон и бережно проводит по нему ладонью, словно вытирая с него пыль и царапины. Он передает аккуратно медсестре телефон и улыбается ей. Так беспокойно, кротко, осторожно так улыбается, словно боится, ведь сам не уверен, что правильно делает. Медсестра берет у него то, что уронила, обнимает его за плечи, говорит «спасибо», называет его по имени, но он уже не слышит ее, он уже забыл о том, что было секунду назад. Он снова идет куда-то, опять в нем гаснут все, даже самые тусклые, его огоньки.

Или когда кто-то из гостей клиники приходит, с полным пакетом, суетливо, как присущее людям оттуда, снаружи, он приходит навестить своего невменяемого родственника. Человек идет по коридору, внимательно заглядывает в палаты, взор его ищет своего брата или мужа, разум которого однажды сошел с рельсов, и тут он натывается на этот взгляд. Один из этих бездумно проходящих останавливается, глаза его перестают быть прозрачными, лицо избавляется от притупленной расслабленности. И он заглядывает в глаза незнакомого гостя, смотрит ему в душу и немым жестом глаз, короткой, виноватой детской улыбкой словно здоровается с ним. Он опускает взгляд на пакет, предназначенный не для него, снова смотрит в глаза. Поразительно преданно, невиданная доверчивость для незнакомого человека. Ему вовсе не нужно, чтобы ему что-то дали из этого пакета, он просто с надеждой спрашивает самого себя: «Ведь это и меня наконец-то пришел навестить какой-то мой родственник? Я ведь жутко болен, я мог и забыть его лицо».

Растроганная этим взглядом женщина достала из своего пакета большое румяное яблоко и, обняв одного из этих несчастных, вложила яблоко ему в руку. Но рука пациента разжалась, взгляд стал вновь покрыт прозрачной пеленой, все мысли в его глазах вмиг погасли. Не глядя

---

¹ чрезмерное беспокойство по поводу своего здоровья при отсутствии к тому объективных причин, мнительность. (Прим. ред.)

на женщину и не понимая теперь, что она стоит возле него, он продолжил свой путь в никуда. Румяное яблоко катилось по полу, безмянный человек шел вперед, лишь застывшая под глазом крошечная слеза напоминала о завершившемся, безнадежном, минутном возвращении.

Эти маленькие, прозрачные люди терялись в мерцании других пациентов, более шумных, беспокойных, а потому и менее безнадежных. У окна стоял один из них. Он казался великаном, это был действительно большой человек, с длинными, крепкими руками и широкими плечами. На его крупной голове, посаженной на мощную, жилистую шею, виднелись два небольших карих глаза, утопленных в крепком лице, широкий боксерский нос и массивная нижняя челюсть. Природа, очевидно, задумала его для тяжелого, непосильного для большинства людей, физического труда. Такой громадный человек мог, казалось, поднять грузовик и глазом не моргнуть. Но, вопреки очевидному, природа наделила его сильным разумом: до тех пор, пока он не угодил в это психиатрическое заведение, работал он в научном коллективе и ежедневно анализировал численные данные, сводя их в диаграммы и графики. Громадный Алексей стоял у окна в коридоре, наклонившись через подоконник. Одной рукой он подпирал голову, а второй, сзади, лениво массируя себе шею. Если бы он соизволил отойти от окна, в коридоре стало бы значительно светлее, так как он своим исполинским телом закрывал почти весь солнечный свет, просачивающийся в окно через решетку. Но никто из пациентов не жаловался и не просил отойти от окна, ведь все знали его скверный, вспыльчивый характер и видели размер его кулака. Алексей держался в больнице замкнуто, в большинстве случаев он не вел бесед с другими пациентами и не мог терпеть докторов. Единственный человек, которого он воспринимал – медсестра Света. По сути, в этом не было ничего удивительного, ведь за ее душевность, открытость и улыбку, ее и любили многие. Как известно, она также была близким другом семьи Станислава Сергеевича, что порой делало ее в глазах пациентов равной по рангу с самим главврачом.

Алексей любил ее не за это, этому неординарному пациенту было все равно, кто чьим был знакомым. Никто не знает, почему он расплывается в широкой, доброй, чуть не отцовской улыбке, когда ее видит. Будучи более, чем вдвое больше ее, он подчинялся любым ее решениям и слушался ее во всем.

Алексей, массируя шею и периодически вызывая этим нешуточный хруст, рассматривал через окно тюльпаны, куст сирени и дерево груши. В окне расстилались сады внутреннего двора клиники.

– Груша... – тяжело и хрипло вздыхал он. – Груша... Чертова груша...

– Не чертова, – печально произнесла маленькая девочка лет семи, с огромными глазами цвета зеленее листа той самой чертовой груши.

Она сидела на подоконнике рядом возле стоящего угрюмо Алексея. Свесив свои крошечные ножки, она тоже смотрела в окно.

– Да брось, – покачал головой Алексей и снова с шеи послышался хруст. – Я это проклятое дерево уже почти год вижу. Ничего не меняется! Каждый листок на нем знаю, и как новый вырастает – так непременно где-то один отваливается.

Девочка смотрела на него и, очевидно, грустила оттого, что и он грустил.

– Ты почти не улыбаешься, – всхлипнула она. – Нельзя так...

– Да как это нельзя... Ты погляди на это, чему тут улыбнуться? – ткнув пальцем в стекло, произнес Алексей.

– Цветочки... Кустики... – осторожно ответила девочка.

– Цветочки... – повторил Алексей.

За его спиной послышался короткий, душераздирающий крик одного из пациентов. Кто-то закричал и, испугавшись собственного вопля, убежал в палату. Алексей закрыл глаза, напряженные его веки нервно вздрогнули. Он открыл глаза, развернулся и описав рукой в воздухе круг, указал на весь коридор и всех пациентов.

– Вот что ты здесь видишь? – резко и тихо спросил он.

Девочка шарахнулась в сторону, испугавшись его резкого голоса.

– Где здесь?.. Впереди?.. В коридоре?.. Дяденьки ходят...

– Здесь! Везде!

– Поликлиника, – растерянно ответила девочка.

– Хех, поликлиника! – засмеялся он, развернувшись назад к окну. – Никакая это не поликлиника!

– А что?.. – моргая большими глазами, шепотом, едва не плача, спросила она.

– Да права ты, права, – устало кивнул он, стараясь не расстраивать ее еще больше. – Это поликлиника, больничка, черт возьми... Но вот с этого окна... Я ей-богу, смотря с этого окна, чувствую здесь себя как в Бисетре². Тут нужно не жить, а умирать, никак иначе, ненавижу... Ненавижу!

Девочка расплакалась громко, со всей, свойственной детям, трагичностью.

– Ну, все, все... – спохватился Алексей, быстро обернулся к девочке и принялся вытирать своими толстыми пальцами слезы с ее щек. – Чего ты? Это я так... Нашла кого слушать... Меня, что ли, слушать... Не плач, не плач. Дурацкая клиника, черт бы ее побрал, плохо, что ты здесь единственный ребенок, так могла бы с другими детишками поиграть, а не со мной тут днями сидеть. Ну не плач, не плач... Это я сгоряча ляпнул... Смотри, цветочки желтенькие, видишь?

– Леша! – послышался позади громкий и строгий мужской голос.

Алексей медленно и настороженно повернулся, перед ним стоял санитар, невысокий блондин с густыми рыжими бровями. Рядом возле этого пациента все санитары казались маленькими, но этот и вовсе напоминал карлика. Алексей уставился на него и блондин в сотый раз почувствовал себя невзрачным, спасала лишь белая пижама больного, в ней Алексей выглядел забавно и даже неловко: суровый гигант в пижаме.

– Чего тебе? – огрызнулся Леша, пренебрежительно смерив взглядом коротышку в халате медбрата.

Санитар оглянулся по сторонам, словно кто-то мог за ним следить. За ними действительно наблюдали несколько пациентов, хотя, скорее всего, они просто в очередной раз просто застыли на месте, по случайности уткнув свои взоры в Алексея.

– Леша, – спокойно повторил санитар, расслабив кучерявые брови, – меня послал лечащий врач...

– Чего тебе?! – чуть громче повторил свой ответ титан в пижаме, раздувая свои ноздри каждый раз, когда делал свой тяжелый вдох.

– Что это значит? – выражение лица санитаря так и не изменилось, но зато кучерявые брови изогнулись дугами, что, видимо, указывало на его волнение. – Что это за тон, Леша?!

Алексей устало и равнодушно закатил глаза и, скривившись, простонал:

– Ты зачем меня позвал? Да черт тебя возьми! Я же дважды спросил, чего тебе надо.

– Леша, – спокойно произнес санитар, брови его вновь расслабились. – Я повторяю, что это за тон? Мне напомнить тебе, что такое субординация?

Лицо Алексея побагровело, глава гневно заблестели:

– Что ты несешь?! – громко, действительно громко, на весь коридор, взревел гигант. – Какая еще, мать твою, субординация? Ты в школе учился?!

– Алексей! – закричал в ответ санитар, но его крик едва было слышно.

---

² Бисетр – старинная французская тюрьма, ставшая в итоге госпиталем. Здание отличалось особой мрачностью и использовалось Виктором Гюго при написании его повести «Последний день приговоренного к смерти». (Прим. ред.)

– Какая к черту субординация! Субординация – это значит следовать правилам взаимоотношений внутри трудового, идиот, коллектива! Я пациент, а не твой подчиненный! Субординация – это то, как ты лижешь зад главному врачу!

– Ну уж хватит!

– Что хватит?! Ты записывай, когда тебе говорят! Раз ничего не знаешь!

Наступила тишина. Отчетливо были слышны лишь шаги блуждающих пациентов, они не перестали бы ходить взад-вперед даже, если бы начался конец света. Тем не менее большинство более или менее соображающих собрались возле Алексея и санитара. Они бездумно глядели на них, некоторые громко плямкали губами, в предвкушении, по всей видимости, кровавого боя. Звук их плямканья раздражал Алексея, из-за чего после каждого такого причмокивания его веки нервозно вздрагивали. Плечи его в порыве эмоционального всплеска поднимались вверх-вниз, словно его легкие были гигантскими пружинами, заключенными внутрь его тела.

– Ты выслушаешь? – спокойно произнес санитар.

– Давай, только быстро!

– Хорошо, что ты его не ударил, – произнесла маленькая девочка.

– Да там и бить-то нечего, – ответил Алексей, повернувшись к ней.

Санитар вздохнул, проигнорировал тот факт, что Алексей обменивается фразами с пустым подоконником, затем произнес:

– Ты вчера отказался от галоперидола. И позавчера. И три дня назад тоже не пил.

– И что?! – махнув рукой, скривился Алексей.

– Нужно выпить.

– Да ты что?! Тогда тебе придется в меня его запихнуть силой! Не уверен, что у тебя это выйдет! Я его пить не буду!

– Лечащий врач сказал...

– Да пошел ты! Вы все! Пошли все!

Дальнейшее общение с Алексеем было лишено смысла. Он стоял, широко расставив свои могучие ноги, и махал руками по воздуху с такой силой, что санитар, стоящий перед ним, чувствовал, как его пепельно-золотистые кудри колышет горячий ветер дыхания пациента. При этом, громко ругаясь и выкрикивая всевозможные слова, он периодически хватал себя рукой сзади за шею, и начинал разминать ее с таким яростным остервенением, что весь этаж осыпало звуками хрустящего позвоночника.

– Все в порядке, – прошептала маленькая девочка. – Лешенька, все в порядке...

– Ну да уж, конечно! В порядке!

– Не нужно ничего делать...

– Да я раскрошу ему сейчас хребет!

– Не вздумай... – начав плакать, неразборчиво произнесла она.

– Не плач... – простонал Алексей. – Пожалуйста, не плач, слышишь? Видишь?! – обратился он к санитару. – Видишь, кретин, что ты делаешь?!

– Почему ты не хочешь выпить галоперидол? Тебе же чудится не пойми что!..

– Убирайся к черту!

– Сначала тебе кажется эта девочка. Эта девочка здесь?.. Правильно?..

– Заткнись!

– Потом стены начнут двигаться. Потом начнутся боли. Ты же сам прекрасно знаешь.

– А «его» ты мне поднимать будешь?! – завопил в яростном отчаянии Алексей, расстегнул липучки пижамных брюк, и принялся доставать оттуда тот орган, который в большинстве случаев скрыт от глаз. – Закрой глаза! Отвернись! – крикнул он в сторону подоконника, на котором никого не было, но сидела девочка.

Санитар бросился к нему в попытках схватить его за руку и не допустить демонстрацию, но Алексей внезапно замер на месте, лишь гневные искры продолжали биться в его влажных глазах.

– Только дотронься до меня, – прошептал он, – я тебе кисть сломаю.

– Для чего тебе он нужен здесь, а?! – не выдержал санитар и махнул рукой в сторону руки Алексея, наполовину застрявшей в штанах. – Потенции у него нет, ах беда, черт возьми! А мозги набекрень когда становятся, то встает, небось, нормально? А? Кого ты здесь осеменить собрался, герой?!

– Ах ты подлец... – в ужасе вздрогнул Алексей. – Не тебе это решать!

– Да иди ты! – махнул рукой санитар, развернулся и ушел прочь.

Но уйти было не так просто – множество зрителей стянули их обоих плотным кольцом. У некоторых, в ожидании увидеть достоинство Алексея, потекли слюны из открытых ртов.

– А ну разошлись, чертовы соляные столпы! Что стали?! Разошлись, кому говорю!

* * *

Сад во дворе расцветал, деревья и молодые кусты, словно сговорившись, синхронно включились. Мягкое, весеннее солнце освещало крышу клиники, а вместе с ней голубиные гнезда, оборудованные, этими кочевыми птицами в остатках замурованных дымовых труб. Таков был этот расцветающий полдень. Внутри также все указывало на то, что стрелки часов перешли двенадцатичасовой рубеж. Некоторые пациенты, задумчиво прикусив губы, несли подносы со своим обедом, направляясь из столовой в свои палаты. Их маленькие, оживленные глаза скользили по тарелкам, а короткие, но быстрые шаги указывали на отличный аппетит, ведь торопились они в предвкушении поскорей поглотить содержимое своих подносов. В кое-каких палатах уже слышен был лязг алюминиевых приборов о тарелки и бурчание соков, выпиваемых через трубочки. Запах остановившегося воздуха и медицины медленно разбавлялся ароматами котлет и каш.

Кое-где двери палат были открыты, оттуда было видно санитаров и санитарок, терпеливо сидящих напротив прикованных к инвалидным коляскам пациентов. Они медленно подносили к их губам ложки и подтирали салфетками беспокойные подбородки.

Анна предпочитала принимать пищу в столовой, ее комната начинала, как правило, вызывать у нее брезгливость, когда среди ее картин появлялся запах еды. Вследствие этого несколько больных тоже решили, что правильнее будет кушать за столиками. Из-за этого, повара и работники кухни перестали выходить в зал во время обеда. Приступы эпилепсии и припадки психозов порой шокировали тех, кто работал не с пациентами, а с едой. После тестирования профессора Охрименко Анна пообедала, затем, как и всегда, с милой улыбкой сделала несколько замечаний повару Людмиле. На этот раз гречневая каша, по ее словам, содержала мало соли. После чего она спокойно ушла к себе в палату под общий крик неумняемых: «Да! Да! Мало соли! Здесь мало соли! Где наша соль? Куда, черт возьми, вы деваете всю нашу соль?!»

Анна подошла к своей палате, увидела Свету, улыбнулась ей. Медсестра автоматически улыбнулась в ответ.

– Как тестирование?

– Норма-а-ально, – мечтательным тоном ответила пациентка.

– Что сейчас делать собираешься?

– Рисовать буду...

– Хорошо.

Анна зашла в палату и, достав палитру с красками, отправилась в уборную мыть кисти для рисования. В коридоре на нее наткнулся светловолосый санитар с большими рыжими, кучерявыми бровями.

– Здравствуйте, – опустив свои глаза в пол, смущенно произнесла Анна.

– Привет, Ань, – кивнул обеспокоенный санитар и обратился к медсестре. – Света, нужна твоя помощь...

– Что случилось?

Анна хищно, с характерной неприязнью взглянула на Свету, словно медсестра только что увела у нее этого санитаря прямо из-под носа. Он же, задумчиво сдвинув свои рыжие брови, подождал пока Анна зайдет в уборную со своими кистями. Говорить при Анне о пациентах давно уже считалось неправильным.

– В общем, Света, по поводу Алексея.

– Алексея? С пятого?

– Да, здоровенного этого с пятого этажа.

– Ну?

– Принимать галоперидол отказывается. Галлюцинации в полном объеме у парня, переговаривается с подоконником, как вот я с тобой сейчас разговариваю. Кричит, руками машет, грозит из штанов достать... – санитар запнулся, активно изображая руками что-то. – Ну, ты поняла... Жалуется на потенцию пониженную. Сейчас просто стоит и кричит, но знаем ведь прекрасно, что с такими темпами с ним будет через пару дней! Только тебя он слушает. Пойдешь, поговоришь с ним?

– Как много информации, – устало закрыв глаза, вздохнула Светлана. – Ладно.

Дверь уборной открылась, Анна вышла, с чистых кисточек прозрачными капельками стекла вода.

– И снова здравствуйте, – игриво засмеялась Анна, опять потупив взор и слегка зарумянившись.

– Привет, привет, – кивнул санитар. – Как дела у вас сегодня?

– Эх, – вздохнула Анна, опираясь спиной на стену и сдвинув коленки, – дела молодой девушки, знаете ли... Ой, да стесняюсь я о таком говорить. Душа возвышена, а тело... А тело изнемогает.

С этими словами она удалилась в палату дорисовывать детали ангелочка, летавшего над совещающимися мужчинами в ее картине.

– Что с ними сегодня такое? – скривился санитар.

– То же что и обычно, – печально кивнула Света. – Плюс ко всему еще и весна за окном.

Светлана поднялась в лифте на пятый этаж. Прямо ей навстречу прошла медсестра с большой стопкой чистой постели и белых полотенец, она ругалась с санитаркой, которая должна была вместо нее заниматься грязной работой. За ней шла такая же медсестра, словно ее сестра-близнец, только при ней была грязная постель, на которой обильно выделялись следы каловых масс и размазанной крови от носовых кровотечений. Все санитары, санитарки и медсестры казались одинаковыми, разнообразие здесь было лишь среди больных. Воздух был сжат до предела: запах йода, пота, выделений пациентов и хлорки перемешались в единый запах, именуемый ароматом безумия.

На этаже играла музыка. Это было обычное радио. Оно, как правило, должно было стабилизировать звуковую кашу голосов и стонов страдающих, но все эти песни, даже самые веселые и спокойные, казались испачканными и неприятными. Через всю стену, от дверей лифта до самого окна, у которого стоял гигант Алексей, проходила горизонтальная красная полоса. Ниже этой полосы стена была окрашена в светло-коричневый, горчичный цвет, выше полосы стена была белой. Несмотря на то, что на подобный манер окрашивают помещения многих

школ, здесь этот желтоватый цвет вызывал какую-то таинственную нарастающую тревожность. По всей видимости, это касалось здоровых людей, больные привыкли здесь ко всему.

Некоторые двери палат были изготовлены из толстой стали. Зеленые, страшные, они напоминали двери тюремных камер или люки подводной лодки: такие же толстые, нерушимые, также усеяны массивными заклепками, в них также были прорезаны узкие окошки. Страшно было представить, что иногда могло твориться за этими дверями.

На алюминиевом столе, к ножкам которого были прикреплены большие резиновые колеса, лежал, широко задрав больничную рубашку, мужчина.

Этот, умеющий ездить стол, был разработан для транспортировки буйных пациентов, которые не могут или не хотят передвигаться самостоятельно. На согнутых перилах этого стола были видны кожаные, коричневые, покрытые крошечными трещинками, браслеты для рук и ног. Но задравший рубашку мужчина просто лежал на этом столе по собственной воле. Уткнув голову в стол, он содрогался – то ли плакал, то ли безмолвно хохотал. Возле стены, на деревянном стуле, сидел толстый, лысый пациент с отсутствующим взглядом и открытым ртом, в котором зиял ряд испорченных, почерневших зубов. Его нос был изогнут как вдоль, так и поперек. Второй, похожий на женщину, заглядывал ему в рот, что-то деловито бормотал и тоже периодически широко открывал рот, поглаживая сидящего заботливо по лысине. Увидев Светлану, они оба повернулись к ней, закрыли рты и провели ее стеклянными взглядами.

Чуть дальше, на таком же стуле, сидел еще один лысый пациент. Он был в стандартной больничной пижаме, но поверх нее он надел осеннюю ветровку, которую, к слову, украл у своего соседа по палате. Соседа этого после очередного инсульта разбил паралич, ветровка ему вряд ли пригодится. Он сидел ровно, поправляя свою новую курточку. В позе его скрывалось напряжение, он старался держать осанку максимально правильно. Руки его теребили карманы, оба его глаза (один из которых был более выпучен) сидели в глубине его орбит и бросали по сторонам взгляды. Из-за того, что голова, очевидно, была немного больше, чем должна быть, глаза его казались ничтожно маленькими. Рядом возле него сидел еще один пациент, он с остервенением чесал за ухом. И, изредка поднимая взгляд, а затем, медленно опуская глаза, рассматривал своего товарища с головы до ног и наоборот. Он действительно сидел очень ровно, осторожно сложив ладони на коленях. Рот его был искажен, правая часть губ, казалось, изгибалась в улыбке, а левая готова была взвыть от горя. Увидев Светлану, он резко задрал голову, тыкая указательным пальцем в свою шею, брызгая слюнями по сторонам, беспокойно заговорил:

– Смотри, медсестра! Шрам! Вот еще один! Смотри! Это я косточку проглотил! Ха-ха! И вот тут есть, видишь?

Музыка становилась все громче, Светлана проходила как раз мимо радио. Здесь толпилось особенно много пациентов. Кислый запах пота становился все отчетливей. Первым попался ей мужчина, который стоял под стенкой, обняв себя руками. В его глазах совершенно не было видно белков, казалось, что зрачки его расплзлись до размера всего глазного яблока. Нос и верхняя губа срослись у него еще при рождении, судя по звукам, которые он издавал, у него, очевидно, также была волчья пасть. Поразительно, что в клинику он попал относительно недавно: у него обнаружили острую маниакальную шизофрению. Он умел читать, писать, у него было даже среднее образование. Он стоял, издавал прерывистые, басистые звуки, а утолчки его то ли носа, то ли губ вздрагивали. Похоже было, что он улыбался. От этого пациента внимание Светланы отвлек другой. Мимо нее с большой скоростью прошел беспокойный молодой человек, руки его тряслись, лицо было бледным. Тонкие, плотно сжатые губы без остановки твердили:

– Следят твари, я всегда знал, что они следят!..

Посреди коридора, прямо возле радио, стояла крупная женщина лет шестидесяти, она танцевала медленный танец. Она всегда стояла здесь и с утра до вечера танцевала. Независимо

от темпа музыки, танец был один и тот же. Такую женщину каждый день можно встретить на улице, она казалась совершенно здоровой на фоне остальных, но стоило ей в экстазе своего пляса, отвернуться от стены и становилось видно, что ее острая нижняя челюсть настолько выпирает вперед, что между обнаженными зубами собралось много желтоватой слюнной пены. Она, приподняв голову и загадочно, ужасающе улыбаясь, двигала бедрами под музыку, мяла рукой свою правую грудь, периодически скалилась и сплевывала пену, попадая на штаны и обувь других пациентов. Возле нее медленно извивался маленький и толстый человечек, поверх пижамы, которого была одета тельняшка. С наглым лицом, он вульгарно вращал в такт музыке низом своего живота и выпавшей грыжей, зажатой в подвязанный на ремешках бандаж. Периодически он медленно и вальяжно, словно подплывал к женщине ближе и терся всем, чем только можно о ее круглое, массивное бедро. В такие моменты она сильно отталкивала коротышку от себя, а когда он становился чересчур назойлив, могла сплюнуть в него своими скоплениями, тогда он начинал яростно рычать на нее. Иногда он бил кулаком в ее живот или со всей силы наступал ей на ногу. За этой парочкой, под стеной, стояла целая шеренга пациентов: парень со стремительно стареющим лицом, широко расставив руки и ноги, изображал движения, словно он играет на гитаре; крупный мужчина с лицом младенца гневно улыбался и что-то пытался показать; высокий, лысый, круглолицый человек с абсолютно искаженной формой черепа пристально смотрел на Светлану. Его голова казалась не настоящей.

Сгорбленная тощая женщина с огромными серыми кругами под глазами изрыгивала воздух, свято веря, что это саранча. Дрыгающийся мальчик, которому, если присмотреться, стукнуло уже лет сорок, дергал себя за гениталии. Женщина в длинной, черной юбке, сидевшая у стены возле чугунного радиатора, ловила невидимых пчел руками, а затем вскрикивала:

– Укусила! Вот те на! Укусила, сука такая!

После чего она старательно старалась ногтями выдавить из-под кожи мнимый яд. На руках образовывались язвы и инфекции, которые уже были не мнимыми.

Все это было на пятом этаже и в тысячный раз доказывало Светлане старую истину – до чего же хорошо пациентам двумя этажами ниже. Анна, Паша, Леонид и другие – все они имели отдельные палаты, с ними индивидуально работали психиатры, им проводили тестирования, все их проблемы обсуждались. Медсестра вспомнила об Анне, вспомнила, как она свободно рисует свои холсты, еще и временами требует, чтобы ей не мешали. Эти же толпища больных, чьи острые, тяжелые и мучительные недуги отразились еще с рождения на их лицах, были совершенно безнадежны и неизлечимы. И хотя им выдавались препараты, с ними старались проводить трудотерапевтические сеансы, все это было, очевидно, бесполезно – они находились здесь просто в изоляции от здорового мира. По несколько раз за день здесь происходят попытки половых актов, иногда кто-то из этих ужасных, лишь отдаленно похожих на женщин, пациенток, беременеет, но медицинские собрания принимают решения принудительно прерывать беременность. Здесь настоящий хаос и в конце этого коридора безумия, опираясь на подоконник, стоит, смотря в окно, гигантский Алексей, напоминающий тоскующую, сломленную духом, запертую в клетке, загнанную гориллу.

– Мой дед таким вот образом как-то прикрепил ветку груши на яблоню, – рассказывал он своей невидимой девочке. – И что ты думаешь, она проросла!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.